

**ЧЕРНОМОРСКАЯ КОРДОННАЯ,
ЧЕРНОМОРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ ЛИНИИ
и правый флангъ Кавказа
передъ Восточною войною въ 1853 году.**

(Военно-историческій очеркъ).

ЧЕРНОМОРСКАЯ КОРДОННАЯ,

Черноморская береговая линія и правый флангъ Кавказа передъ Восточною войною— въ 1853 году.

(Военно-историческій очеркъ.*)

Приступая къ описанію военныхъ событій въ 1853 году на территоріи нынѣшней Кубанской области, нахожу необходимымъ познакомить читателя съ тѣмъ горскимъ населеніемъ, съ которымъ Черноморскимъ казакамъ и войскамъ на береговой линіи и правомъ флангѣ приходилось воевать въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.

Отъ лѣваго берега р. Кубани, начиная съ верховья р. Урупа до устья Кубани, въ долинахъ и горной полосѣ проживали горскія племена, извѣстныя намъ, по лѣтописи Нестора, подъ именемъ „Косоговъ“, а въ послѣдствіи извѣстныхъ подъ наименованіемъ „Адиге“; кромѣ того, въ этомъ же пространствѣ, въ верховьяхъ р.р. Зеленчука, Урупа, Большой и Малой Лабы жили горцы Абазинскаго происхожденія, говорившіе не на языкѣ Адиге, а на Абазинскомъ; послѣднія племена еще съ 20 гг. прошлаго столѣтія считались мирными.

Непокорные же горцы племени Адиге жили:

1) Натухайцы—отъ устья р. Кубани до р. Бакана, въ низовьяхъ называемой Адагумъ; часть Натухайцевъ жила на южномъ склонѣ горъ по рр. Сукко и Дюрсо.

*) Матеріалами для этой статьи послужили: 1) Сказанія старожилонъ на линіяхъ; 2) Разказы Натухайцевъ, проживающихъ въ Суворовско-Черкесскомъ аулѣ; 3) Собранныя мною свѣдѣнія во время войны на Западномъ Кавказѣ въ теченіе 1860 г. въ землѣ Шапсуговъ, а въ 1861—1865 гг. въ землѣ Абадзеховъ. Всѣ эти свѣдѣнія дополнены и провѣрены: изъ „описанія Черкесіи“, составленнаго Ксаверіо Главани, Французскимъ консуломъ въ Крыму и первымъ врачомъ Хана 20 Января 1724 г. Изъ записокъ полковника Ханъ Гирея, бжедуга родомъ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1844 и 1846 гг. и газетъ „Кавказъ“ за 1846—1847 гг. Изъ сочиненій генерала Потто и дѣлъ архива Штаба Кавказскаго военнаго округа за 1853 г. по части генеральнаго штаба, за №№ 4, 6, 20, 30, 40, 42, 45 и 74.

2) Шапсуги—къ востоку отъ Натухайцевъ, по р.р. Шепшъ, Иль и Афипсъ. Часть Шапсуговъ жила на южномъ склонѣ горъ по р. Мокопсе.

3) Бжедуги—сосѣди Шапсуговъ съ востока, жили до р. Псекупсъ; Бжедуги раздѣлялись на два племени; одно изъ нихъ, подъ названіемъ „Черченей“, жило въ сказанной мѣстности, а другое племя, подъ названіемъ „Хамишь“, жило въ верховьяхъ р. Бѣлой, выше общества горцевъ „Дахо“.

4) Абадзехи, или „Абедзахъ“ жили отъ р. Псекупсъ до р. Фарса и Ходза; это племя раздѣлялось на слѣдующія общества: Махошь, Темиргой, Егерукай, Бесленей, Баракай и Абедзахъ.

Абазинское племя дѣлилось тоже на общества; Абазины, кромѣ нижепоименованныхъ, какъ сказано, считались мирными, а проживавшіе между верховьями Большой и Малой Лабы и въ верховьяхъ рр. Ходзь, Башилбай, Тамъ, Кизилбекъ, Шахгирей и Багъ были не мирные.

5) Убыхи жили на южномъ склонѣ Кавказскихъ горъ; племя это отличалось своимъ нарѣчіемъ отъ Адиге и Абазинъ. Многіе были увѣрены, что Убыхи Абазинскаго происхожденія, но лингвистъ на Кавказѣ, покойный генераль Усларъ, хорошо знавшій Абазинское нарѣчіе, убѣдился, что языкъ Убыховъ не имѣлъ сходства съ Абазинскимъ и во многомъ отличался отъ Адиге, а потому Убыховъ можно считать особымъ племенемъ среди Кавказскихъ горцевъ.

Самое густое населеніе Убыховъ было по р. Шахе.

6) Джигеты, народъ Абазинскаго племени, жили на востокъ отъ Убыховъ, въ приморской полосѣ по р.р. Бегерепста и Гагрпшъ.

7) На сѣверъ отъ Джигетовъ и на сѣверо-востокъ, въ горной мѣстности, преимущественно между верховьями рр. Псоу и Бзыбью жили племена, тоже Абазинскаго происхожденія. Псху и Ахчи-псху, или Медовой.

По имѣющимся официальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ по распоряженію князя Паскевича въ 1830 году, всего перечисленнаго выше населенія горцевъ было до 1,700,000 и, будтобы, эти горцы могли выставить до 250,000 вооруженныхъ людей. Цифры эти, по словамъ старожиловъ, преувеличены; въ

описываемый 1853 годъ горцы могли выставить хорошихъ воиновъ до 20,000 человекъ отъ всѣхъ племенъ; это показаніе старожиловъ Кавказа можно подтвердить имѣющимися у меня свѣдѣніями. Въ 1859 году начальникъ праваго крыла генералъ Филипсонъ заключилъ въ урочищѣ Каменный мостъ¹⁾ съ предводителемъ Абадзеховъ договоръ, по которому Русскія войска не должны были переходить р. Бѣлую (Сагуашъ), а Абадзехи прекратить военныя дѣйствія; по этому договору жившіе по рр. Ходзу, Губсу, Псефиру и Фарсу, такъ называвшіеся „верхніе Абадзехи“: Махошевцы, Егерухаевцы и Баракаевцы дѣлались мирными, какъ жившіе по правому берегу р. Бѣлой, гдѣ могли быть Русскія войска и укрѣпленія. Въ октябрѣ 1861 года въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II, при посѣщеніи Кавказа, прибылъ въ верхне-Абадзехскій отрядъ, стоявшій тогда у ур. Мамрюкъ-огой, вблизи нынѣшней ст. Царской. Находя договоръ Филипсона не соответствующимъ достоинству Россіи, Государь приказалъ вызвать изъ за Бѣлой Абадзехскихъ старшинъ въ лагерь отряда. 20 октября собрались старшины не только отъ Абадзеховъ, но и прочихъ горскихъ племенъ сѣвернаго склона горъ. Собравшемуся народу Его Величество лично объявилъ, чтобы онъ выселялся на плоскость на указанная мѣста, а предгорія и горы будутъ заняты нашими станицами и укрѣпленіями. Горцы просили дать имъ время для обсужденія всенародно²⁾. Данъ былъ мѣсячный срокъ. Горцы не согласились. 20 ноября верхне-Абадзехскій отрядъ, усиленный частями войскъ изъ расформированнаго Мало-Лабинскаго отряда, перешелъ р. Бѣлую у Ханскаго брода, вблизи укр. Бѣлорѣченскаго и съ этого числа снова открылись военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій верхніе Абадзехи, сочувствуя землякамъ по лѣвой сторонѣ Бѣлой, стали по-одиночкѣ уходить за Бѣлую, а въ началѣ Марта 1862 г. поголовно бѣжали. Верхне-Абадзехскій отрядъ, вполнѣдствіи, съ Апрѣля, — Да-

¹⁾ Въ верховьяхъ р. Бѣлой предъ Даховскимъ ущельемъ моста тамъ въ то время никакого не было, а тамъ р. Бѣлая течетъ въ узкомъ руслѣ, среди отвѣсныхъ скалистыхъ береговъ. Въ этомъ мѣстѣ до 1862 г. бывали „мегкеме“, у горцевъ — народное собраніе.

²⁾ Съ Абадзехскими старшинами пріѣзжали нѣсколько почетныхъ стариковъ въ древне-горскомъ вооруженіи въ кольчатыхъ панцыряхъ съ очень кривыми саблями, съ луками и стрѣлами въ колчанахъ за спиною; лица государевой свиты пораскупили у этихъ стариковъ ихъ вооруженіе и панцыри, заплативъ большія деньги. Интереснѣе всего были стрѣлы съ четырехъ-гранными стальными наконечниками — остріями.

ховскій, получилъ приказаніе отъ графа Евдокимова въ письмѣ начальнику отряда отъ 12 марта, немедленно начать преслѣдованіе убѣгавшихъ; съ 14 по 20 марта отрядъ на пространствахъ между правымъ берегомъ р. Бѣлой и низовьями р. Фарса и Ходза, преслѣдуя убѣгавшихъ, уничтожилъ массу ауловъ, отбивая ежедневно сотни рогатаго скота и овецъ. Верхніе Абадзехи, спасая свои семьи, не защищали своего имущества. Бѣгство за Бѣлую верхнихъ Абадзеховъ сильно подкрѣпило боевыя силы непокорныхъ. Въ концѣ апрѣля занятіе нами общества „Дахо“, въ верховьяхъ Бѣлой, считавшагося горцами вообще недоступнымъ, очень встревожило не только Абадзеховъ, но и Убуховъ. Послѣдніе хорошо сознавали, что обществу Хамишки не задержать Даховскаго отряда, а, съ занятіемъ ущелья въ Хамишки, въ рукахъ нашихъ былъ бы и переваль у горы Фиштъ въ долину Шахе. — Едва этотъ переваль сдѣлался доступнымъ, какъ къ начальнику отряда полковнику Гейману стали чрезъ лазутчиковъ доходить вѣсти, что прибывшая къ Абадзехамъ депутація отъ Убуховъ, во главѣ съ князьями ихъ Берзекъ, уговариваетъ народъ собраться поголовно и дѣйствовать какъ противъ отрядовъ Даховскаго и Псекупскаго, такъ, въ особенности, на пути сообщенія отрядовъ съ линією и на лежащія въ тылу ихъ станицы¹⁾).

Въ концѣ мая стало извѣстнымъ, что Убухи успѣли въ своемъ домогательствѣ, что Абадзехи готовятся къ нападеніямъ, что къ нимъ прибыло съ Берзеками болѣе 500 человекъ конныхъ Убуховъ. Вѣсти эти скоро подтвердились на дѣлѣ: съ высотъ Гуфабго, надъ лѣвымъ берегомъ р. Бѣлой, былъ открытъ орудійный огонь изъ двухъ орудій по лагерю Даховскаго отряда, возводившаго тогда укрѣпленіе вокругъ вновь основанной Даховской станицы и переведеннаго туда на стоянку 3-го Кавказскаго линейнаго баталіона и разрабатывавшаго дорогу въ Даховскомъ ущельи въ долину Бѣлой у Каменнаго моста. Рѣдкій снарядъ изъ горскихъ орудій долеталъ до лагеря; послѣ двухъ-дневной стрѣльбы съ высотъ по лагерю громадная партія конныхъ и пѣшихъ спустилась къ берегу разлившейся тогда Бѣлой и открыла мѣткій огонь по ла-

¹⁾ На земляхъ убѣжавшихъ верхнихъ Абадзеховъ съ Апрѣля 1862 г. по вышеупомянутымъ рѣкамъ было основано нѣсколько станицъ, вошедшихъ въ составъ вновь тогда сформированнаго 24 коннаго полка Кубанскаго казачьяго войска.

герю, скоро снеся нѣсколько палатокъ. Бывшій въ числѣ артиллеріи отряда взводъ батарейныхъ орудій, подъ командою поручика Никифораки¹⁾, сталъ отвѣчать на огонь горцевъ. Атаковать партію не было возможности; переходу препятствовало полноводіе въ Бѣлой. Лазутчики дали знать, что въ партіи все годное къ бою населеніе отъ р. Бѣлой до Псекупса, что всего въ партіи тысячъ семь народу, считая Убуховъ и Медовой (Псхувцевъ). На пятый день партія исчезла чрезъ недѣлю въ отрядъ было сообщено, что ст. Псеменская на р. Большой Лабѣ у входа въ Тамовское ущелье сожжена горцами, послѣ разграбленія и увода плѣнныхъ въ горы. 6-го Іюня громадная партія горцевъ, тысячъ до трехъ, напала въ ущельи Жешуко на обозъ Даховскаго отряда, шедшій въ ст. Царскую за продовольствіемъ для отряда; бывшая въ партіи Убухская молодежь, желая показать себя предъ союзниками горцами, славно дралась;—до 300 человекъ конныхъ бросились въ атаку на 2-ю роту Севастопольскаго полка, подъ командою поручика Лапицкаго, бывшую въ правой цѣпи; шаговъ за 400 они понеслись на роту, резервъ ея успѣлъ подбѣжать къ цѣпи, она и резервъ осыпали пулями горцевъ, многіе изъ нихъ повалились съ лошадей, но остальные добрались до роты, пошла схватка; Лапицкій получилъ 6 ранъ пулями и 12 шашками; увлеченные боемъ конные и пѣшіе горцы не замѣтили прибѣжавшихъ изъ арьергарда охотничью команду и 1 и 4 стрѣлковыя роты Кабардинскаго полка. Охотничья команда, подъ начальствомъ штабъ-капитана Василія Щелкачева²⁾, забѣжала въ тылъ горцамъ, а стрѣлковыя роты ударили во флангъ; тутъ произошла бойня горцевъ; бой этотъ сразу отучилъ горцевъ нападать на колонны отряда, не смотря на свою многочисленность. Изъ этого описаніе сбора силъ горцевъ для защиты своей свободы видно, что они, кромѣ Шапсуговъ и Натухайцевъ, могли выставлять до 10 тысячъ, а всѣ вообще племена до 15, максимумъ до 20000 вполне годныхъ для боя людей, а не до 200000, какъ значитъ въ официальныхъ данныхъ 1830 года.

Всѣ непокорные горцы считались магометанами, но въ дѣйствительности у нихъ выше всякой религіи были народ-

¹⁾ Нынѣ генерала, Ставропольскаго губернатора.

²⁾ Нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

ные обычаи, наслѣдованные отъ предковъ; религія ихъ была смѣсью язычества съ магометанствомъ, даже съ небольшою примѣсью христіанства¹⁾, которое когда, то существовало среди горскихъ племенъ во времена владычества Гѣнуэзцевъ по берегу Чернаго моря и, вѣроятно же всего, въ эпоху существованія Тмутараканскаго Русскаго княжества, — изъ историческихъ свѣдѣній извѣстно, что во время существованія этого княжества тамъ имѣлись прекрасныя церкви и даже существовала епархія, управляемая епископами. Тмутараканскіе князья брали дань съ „Косоговъ“; князь Ростиславъ Владиміровичъ первый заставилъ Косоговъ въ 1006 году платить ему дань, а въ 1022 году Мстиславъ Владиміровичъ Храбрый „ходилъ на Косоговъ войною“, смирилъ ихъ и заставилъ платить снова дань и даже по его требованію выставлать воиновъ въ его дружины; въ 1026 году, когда возникла вражда между этимъ княземъ и Кіевскимъ Ярославомъ, Косоги были въ войскѣ Мстислава и въ битвѣ съ Ярославомъ при мѣстечкѣ Листвень Ярославъ былъ разбитъ и, по свидѣтельству самого Мстислава, дружина Косоговъ очень способствовала его побѣдѣ. Въ то время Русскіе князья, вслѣдствіе вліянія на нихъ духовенства, старались объ укорененіи христіанства среди своихъ подданныхъ, а потому можно допускать предположеніе, что Косоги, находясь въ зависимости отъ Тмутараканскихъ князей, исполняли желаніе ихъ и принимали христіанство. Французскій генеральный консулъ при Крымскихъ ханахъ Ксаверіо Главани, итальянецъ родомъ, въ изданномъ имъ описаніи „Черкесіи“ 20 ноября 1724 года, сказалъ, что въ землѣ черкесовъ онъ видѣлъ нѣсколько прекрасныхъ, но уже запущенныхъ церквей и кладбища „гдѣ на могилахъ встрѣчались кресты, но съ латинскими надписями“. Находясь съ издавна съ жившими въ береговой полосѣ греками въ торговыхъ только сношеніяхъ, горцы не могли позаимствовать отъ нихъ новую религію; — „не обманешь, не продашь“ — торговый принципъ грековъ, — пло-

¹⁾ Во время военныхъ дѣйствій въ 1860 г. въ землѣ Шапсуговъ я лично видѣлъ въ день св. Троицы украшенныя вѣтвями сакли въ аулѣ на р. Афипсѣ, — аулъ былъ взятъ и сожженъ. Старожилы въ г. Екатеринодарѣ мнѣ говорили, что у Шапсуговъ считается молодечествомъ въ день св. Крещенія на лошади кидаться въ рѣку, а дни св. Пасхи считаются праздниками. Троица 1860 г. памятна мнѣ еще и потому, что мнѣ въ этотъ день въ первый разъ пришлось видѣть Черноморскихъ пластуновъ въ дѣлѣ съ нами; пластуны были подъ командою сотника Левченко, убитаго тогда пулею въ голову. Я любовался надъ ихъ выносливостью и удалью.

хое пособіе при распространеніи среди народа новой для него религіи.

Впослѣдствіи горцы, находясь въ подчиненіи турокъ и Крымскихъ хановъ, которымъ платили живую подать рабами и рабынями въ особенности, называвшуюся „анблыкъ“, стали постепенно усваивать магометанство, но оно не могло вкорениться вслѣдствіе плохого развитія ихъ муллъ. Упомянутый Ксаверіо Главани сообщилъ въ своемъ сочиненіи слѣдующее о религіи горцевъ: „о религіи ихъ я не могу ничего сказать, такъ какъ у нихъ вѣрованіе смѣшанное, они чтутъ Субботу, Воскресенье и Пятницу; празднуютъ Пасху съ христіанами и байрамъ съ турками, утверждая, что все хорошо; въ обществѣ христіанъ они не соблюдаютъ никакихъ постовъ, находясь-же съ турками выдаютъ себя за турокъ,—такъ поступаютъ и со всѣми другими религіями“.

Полковникъ Ханъ-гирей, Бжедугъ родомъ, писавшій о горцахъ въ 1846 и 1847 гг., слѣдовательно чрезъ 120 лѣтъ послѣ Главани, сообщилъ: „Бжедуги, какъ и всѣ низовые горцы, по вѣрѣ магометане, остались во всемъ язычниками, т. е. придерживались унаслѣдованному отъ предковъ“.

Мѣстное магометанское духовенство, еслибы даже было и болѣе развито, не могло имѣть большого вліянія на народъ собственно потому, что духовное сословіе не пользовалось почетомъ у горцевъ;—„высшія сословія, писалъ Ханъ-гирей, считали для себя унижительнымъ поступленіе въ духовные“. Въ 1853 году горцы имѣли такую религію, какую описали Главани и Ханъ-гирей; кадїи ихъ только и были немного знакомы съ двумя книгами магометанскихъ законовъ: „Садръ Шеріэ“ „Дуреръ“ и „Казиханъ“; первая книга законовъ написана въ первыя вѣка появленія магометанства неизвѣстнымъ арабомъ; вторая — Дуреръ, современникомъ Тамерлана муллою Хасрова, а третья неизвѣстно кѣмъ и когда.

Горцы раздѣлялись на сословія; высшіе состояли изъ „пши“ и „уоркъ“—князей и дворянъ; лицъ этихъ сословій было не мало, а во время зависимости племенъ Адиге отъ Крымскихъ хановъ число ихъ стало увеличиваться.—Ханы имѣли массу наложницъ, дѣтей отъ нихъ они отправляли на Кавказъ для воспитанія и преимущественно лицамъ высшихъ сословій, этимъ

поддерживалась связь съ горцами и вліяніе на Адиге. Горцы этихъ дѣтей называли султанами, какъ и самихъ хановъ; выросши, эти султаны дѣлались вліятельными людьми, имѣли собственную стражу, а при выѣздѣ ихъ сопровождались не менѣе какъ 50 всадниками. Эти султаны изъ Крыма средствъ къ жизни не получали, а жили роскошно на счетъ горскаго населенія; потомки султановъ пользовались такими же привилегіями до начала 1820 годовъ.

Самое многочисленное сословіе у горцевъ называлось „тльфекотль“—свободный хлѣбопашецъ; сословіе это находилось въ подчиненіи „пши“, владѣльцевъ ауловъ. Тльфекотли были свободный народъ, имѣвшій, по обычаю, право свободнаго перехода отъ подчиненія одного князя къ другому; владѣльцы ауловъ обязаны были, если хотѣли, держать этотъ народъ въ подчиненіи, защищать всѣхъ и cadaго изъ тльфекотль, при несчастіи помогать имъ, а иначе—тльфекотль уходилъ въ другой аулъ, т. е. поступалъ въ подчиненіе другого князя. За покровительство князей тльфекотли, по обычаю, должны были вносить владѣльцамъ ауловъ, т. е. князьямъ: послѣ уборки хлѣбовъ 8 мѣръ зерна; при раздѣлахъ въ семьяхъ—быка, или корову, при выдачѣ замужъ дочерей—пару быковъ.

За проступки взыскивался штрафъ въ пользу князя;—тѣлеснаго наказанія у горцевъ не было.

Самое низшее сословіе „пшитль“ было крѣпостное, у князей ихъ было не болѣе семи, десяти семей. Пшитли служили прислугою и рабочими у князей, но имѣли, по обычаю, свою недвижимую собственность. Пшитли были и у первостепенныхъ дворянъ¹⁾.

Турки, имѣя въ Анапѣ сильный гарнизонъ, считали себя владѣтелями горцевъ, въ сущности номинальными; они всегда, къ своему вреду, поддерживали не массу народа, а только высшія сословія, рассчитывая чрезъ нихъ управлять массою, но князьямъ не было расчета поддерживать въ народѣ власть турокъ въ ущербъ своей, —они не только не заботились о туркахъ, а даже избѣгали случаевъ побывать въ Анапѣ, гдѣ

¹⁾ Горскіе дворяне были двухъ разрядовъ: первоклассные, ихъ было немного, пользовались княжескими правами, а второклассные особыхъ правъ не имѣли и зависели отъ князей, даже служили при нихъ въ качествѣ почетной стражи; изъ этихъ дворянъ выбиравались носители значковъ при сборѣ партій, а народъ выбиралъ изъ нихъ судей.

проживали представители турецкой власти, даже съ презрѣніемъ глядѣли на нихъ. Полковникъ Ханъ-Гирей сказалъ: „для горца высшаго сословія всегда удивительно было видѣть кого либо изъ пашей въ Анапѣ на конѣ, или идущаго; онъ съ издвна привыкъ ихъ видѣть сидящими всегда на коврѣ, съ поджатыми ногами и длиннымъ чубукомъ во рту“.

Но князья въ началѣ прошлаго столѣтія воспользовались поддержкою турокъ; они постепенно стали заводить при себѣ постоянную почетную стражу, называвшуюся „біеколь“.

Эта стража, пользуясь покровительствомъ князей, сдѣлалась въ послѣдствіи грабителями низшихъ сословія; она стала захватывать скотъ, красть людей для продажи въ Турцію, выдумывала на тльфекотлей разныя небылицы, обвиняя ихъ въ проступкахъ, чтобы подвергнуть лишній разъ штрафу.

Такое положеніе дѣлъ въ жизни горцевъ продолжалось до 1826 года, когда турки, не сдѣлавъ для себя ничего хорошаго, оказали высшимъ сословіямъ Натухайцевъ, Шапсуговъ и Бжедугамъ медвѣжью услугу;—въ этомъ году въ разгоравшееся возстаніе грековъ вступилась дипломатическимъ путемъ Россія въ пользу грековъ; турки въ отплату за вмѣшательство захотѣли взволновать горцевъ, чтобы своими враждебными дѣйствіями не отдѣлять съ Кавказа войска въ Азіятскую Турцію, а напротивъ пополнять ихъ изнутри.

Сознавая, что власть ихъ среди горцевъ номинальна только, турки приняли мѣры къ упроченію ея; они начали съ того, что усилили гарнизонъ въ Анапѣ, но не низамомъ, регулярными войсками, а разнымъ сбродомъ изъ жителей Азіятской части своей; а командующимъ войсками въ Анапѣ былъ назначенъ Трапезондскій вали Хаджи Хасанъ паша, хотя очень пожилой человѣкъ, но энергичный.

Горцы, кромѣ князей, управлялись и выборными изъ „тльфекотль“ старшинами, главными обязанностями которыхъ были: приведеніе въ исполненіе рѣшеній судовъ и посредничество при возникавшихъ недоразумѣніяхъ и спорахъ между лицами низшихъ сословія съ высшими. Хотя горцы считались магометанами, но ставили свои обычаи выше указаній корана и другихъ священныхъ книгъ съ мусульманскими законами, а потому они не судились кадіями, духовными судьями, какъ

всѣ магометане по шаріату, а выбирали въ судьи лицъ изъ второстепенныхъ дворянъ, которыя при разборѣ дѣлъ въ судѣ руководствовались унаслѣдованными обычаями, а не сводомъ законовъ, изложенныхъ въ книгахъ Садръ-Шеріэ, Дуреръ, Безазія и Кказзиханъ; при вступленіи въ должность судьи не клялись предъ кораномъ, а въ присутствіи почетныхъ лицъ произносили краткую присягу: „обязуемся судить по внушенію отъ Бога и справедливости“. Очень рѣдко тяжущіеся оставались недовольными рѣшеніемъ своихъ судовъ.

Хасанъ-паша, получившій при назначеніи въ Анапу права сераскира, по вступленіи въ должность, предпринялъ поѣздку по краю. Въ этой поѣздкѣ, при знакомствѣ съ горцами, онъ убѣдился, что для возможнаго подчиненія ихъ слѣдуетъ прежде всего сдѣлать изъ нихъ лучшихъ, не по названію только, магометанъ, а лучшимъ средствомъ для этой цѣли было: введеніе между горцами суда по шаріату съ кадіями, съ отмѣною выбора судей; самыми подходящими для этого людьми были кадіи изъ турокъ, а не изъ горскихъ муллъ, плохо знакомыхъ съ священными книгами законовъ.

Для исполненія плана Хасанъ-паша предпринялъ вторую поѣздку по краю. Рѣзко измѣнять или уничтожать народные обычаи, установившіеся вѣками—щекотливое и часто опасное дѣло, а потому паша и встрѣтилъ рѣзкое сопротивленіе со стороны горцевъ.

Съ конвоемъ до 500 человекъ Хасанъ-паша поѣхалъ сначала къ Натухайцамъ; горцы эти, какъ жившіе вблизи Анапы и болѣе другихъ ведшіе съ турками и греками въ Анапѣ мѣновую торговлю, приняли реформу, не вполне сознавая разницу, но Шапсуги, пользуясь многочисленностью, наотрѣзъ отказались отъ введенія кадіевъ; Хасанъ-паша приказалъ конвою арестовать нѣкоторыхъ изъ толпы Шапсуговъ, но тѣ, а за ними и вся толпа стала въ оборонительное положеніе, а народу собралось много. Не надѣясь на стойкость своего конвоя, Хасанъ-паша простилъ виновныхъ, рѣшивъ наказать Шапсуговъ при полученіи изъ Турціи поддержки войсками, о чемъ и послалъ просьбу въ Константинополь.

Бжедуги спокойно выслушали Хасанъ-пашу и согласились на введеніе кадіевъ, а сами думали: „вводи кого хочешь, а мы

не отстанемъ отъ обычая отцевъ, только скорѣе уѣзжай. Какъ самъ паша, такъ и ѣздившія съ нимъ духовныя лица изъ турокъ, старались разъяснить Бжедугамъ указанія корана и другихъ священныхъ книгъ въ отношеніи судовъ, и въ этихъ разъясненіяхъ между прочимъ высказали, что по корану магометане не могутъ быть подвластными и рабами у магометанъ же, что даже рабы по истеченіи 8 лѣтъ должны быть свободными людьми.

Превышеніе власти князьями, продѣлки ихъ біеколь уже ранѣе волновали Бжедугскихъ тльфекотлей, а послѣ словъ паша и кадиевъ они стали собираться на тайныя засѣданія, чтобы обсудить, какъ имъ отдѣлаться отъ подчиненія князьямъ и отъ ненавистныхъ біеколь. Собраніе даннаго общества у горцевъ называлось „зефиси“. Обсудивъ все на тайныхъ совѣщаніяхъ, тльфекотли открыто на „зефиси“ провозгласили себя „ххуръ“—свободными людьми. За убійство князя полагалась смертная казнь, а тльфекотли на этихъ засѣданіяхъ и вслѣдствіе непріязненныхъ уже къ нимъ отношеній высшихъ сословій, порѣшили измѣнить это правило и почетныя изъ нихъ лица объявляли народу: „тльфекотль, убившій лице высшаго сословія, потеряетъ только свой зарядъ“.

Это постановленіе уже было угрозою князьямъ и дворянамъ; тѣ, сознавая, что они, по своей малочисленности, не могутъ бороться съ массою народа и боясь содѣйствія ему со стороны Абадзеховъ (уже болѣе десяти лѣтъ назадъ отдѣлившись отъ своихъ князей и дворянъ и образовавшихъ по обществамъ республики, управляемая выборными старшинами), послали къ нимъ депутацію съ просьбою не вмѣшиваться въ ихъ распрю; Абадзехи дали слово. Хасанъ паша и кадій, бывшіе на сторонѣ князей, не могли имъ пока оказать помощи,—изъ Константинополя было отказано въ присылкѣ подкрѣпленія, а Хасанъ паша, не имѣя возможности дѣйствовать энергичнѣе, сослался на старость и нездоровье и просилъ увольненія; просьба его была уважена, а новому начальнику въ Анапѣ, въ ожиданіи войны съ Россією, уже не было времени заботиться объ укорененіи магометанства среди горскихъ племенъ.

Продолжая опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны высшихъ сословій, Бжедугскія князья секретно вступили въ

сношеніе съ Русскими властями въ Екатеринодарѣ, встрѣтили съ ихъ стороны полную поддержку, обѣщаніе, въ случаѣ междоусобія, двинуть на помощь отрядъ войскъ. Тльфекотли и пшитли узнали о намѣреніи русскихъ начальниковъ и стали сдержаннѣе, но власть высшихъ сословій уже не возстановлялась, а перешла, какъ и у Абадзеховъ, къ выбираемымъ всенародно старшинамъ.

Вслѣдъ за Бжедугами, Шапсуги, а потомъ и Натухайцы отвергли подчиненность низшихъ сословій князьямъ и первостепеннымъ дворянамъ; съ этого же времени приставка „гирей“ къ побочнымъ потомкамъ Крымскихъ хановъ—султанамъ стала пустымъ звукомъ.

Такимъ-то путемъ Турки поспособствовали и остальнымъ племенамъ горцевъ обратиться въ республики съ выборными старшинами во главѣ подобно тому, что уже было у всѣхъ Абадзеховъ, а распря между Бжедугами повела къ тому, что они¹⁾ съ 1827 года сдѣлались какъ бы полумирными;—они, подъ разными предлогами отказывались принимать участіе при сборѣ партій въ другихъ обществахъ для дѣйствій противъ насъ и если молодежь ихъ иногда увлекалась, то это позволялось ради только того, чтобы сосѣдніе съ востока Абадзехи, а съ запада Шапсуги окончательно не сочли бы ихъ преданными намъ, измѣнниками въ общемъ дѣлѣ—борьбы съ нами.

Если въ 1847—1848 году Абадзехи признали надъ собою главенство выходца изъ Дагестана Магометъ-Эмина, то только въ военномъ отношеніи,—онъ былъ главнокомандующимъ, но не повелителемъ, всѣ важныя для народа мѣропріятія, даже обсужденія дѣйствій противъ насъ, рѣшались на мегкемѣ—при собраніи старшинъ и почетныхъ людей, что далѣе подтвердится при описаніи военныхъ дѣйствій.

По свидѣтельству многихъ лицъ, въ томъ числѣ Главани и Ханъ-гирея, горцы были вообще вѣжливы, способны, знали много ремеслъ; Главани сообщилъ о способностяхъ горцевъ слѣдующее: „если горцу приходилось видѣть какое либо издѣліе, невиданное имъ прежде, то, осмотрѣвъ его, онъ дѣлалъ подобное“. Денежныхъ знаковъ у горцевъ не было, торговля была мѣновая.

¹⁾ Рѣчь идетъ о нижнихъ Бжедугахъ, жившихъ отъ хребта Пшафъ сѣвернѣе въ долинахъ, а верхніе Бжедуги—Хамиши покорились 1 октября 1863 г. вмѣстѣ съ Абадзехами.

По обычаю можно было имѣть только одну жену, но допускалось имѣть наложницъ; но дѣти отъ нихъ не признавались законными; затворничества женъ у нихъ не было.

Главною заботою женщинъ было имѣть стройность, тонкую талию; для полученія этого молодая дѣвица обшивали свой станъ—богатая сафьяномъ, а бѣдная бараньею кожею; франтовства не было, приходилось рядиться только въ вымѣняемое у армянъ; большая часть женщинъ имѣли ожерелья преимущественно изъ турецкихъ монетъ.

Франтовство мужчинъ состояло въ отдѣлкѣ оружія, сѣделъ и сбруи серебромъ; богатые джигиты позволяли себѣ носить изъ краснаго сукна шаровары съ галуннымъ лампасомъ. Оружіемъ горцы дорожили, въ особенности старымъ; у нихъ существовала поговорка: „смерть джигита въ бою—плачь въ его домѣ, а потеря его оружія—плачь въ цѣломъ обществѣ“. Лучшими ружьями считались „Крымъ“, т. е. вывезенныя изъ Крыма и франкскіе стволы; на этихъ стволахъ попадались вырѣзанныя имена мастеровъ латинскими буквами. Изъ шашекъ славились „Волчекъ“ и „Мухоръ“; на первыхъ былъ изображенъ тонкими чертами бѣгущій волкъ, а на вторыхъ были изображенія въ видѣ печати (мухоръ) съ Арабскими надписями. Орудій было, по показанію однихъ 8, а другихъ—12; всею артиллеріею въ описываемое время у горцевъ завѣдывалъ бѣглый фейерверкеръ, урядникъ изъ ст. Вознесенской, Колосовъ.

II.

Служба и жизнь войскъ на западномъ Кавказѣ.

Военныя дѣйствія войскъ на Черноморской кордонной линіи, Черноморскомъ побережьѣ и на правомъ флангѣ имѣли между собою тѣсную связь:—собирается партія напасть на стаицы праваго фланга, —Черноморскіе казаки, для отвлеченія части силъ непріятели, вторгаются за Кубань; угрожаетъ непріятель Черноморіи—войска съ праваго фланга и Черноморской береговой линіи вторгаются въ глубь непріятельскаго края, а такія дѣйствія нашихъ войскъ заставляли горцевъ раздѣлять свои силы, а чрезъ это предполагавшіяся нападенія далеко не были такими смѣлыми и энергичными, какъ были

предположены. Кромѣ того, Черноморцы, вслѣдствіе небольшого числа войскъ на правомъ флангѣ, нерѣдко ходили туда для усиленія гарнизоновъ или отрядовъ; такъ въ январѣ 1853 года 1-я Черноморская конная батарея была на Лабинской линіи, имѣя свою штабъ-квартиру въ ст. Чамлыкской; другая казачья батарея была въ укр. Алексѣевскомъ подѣ кр. Анапою.

Длинная Черноморская кордонная линія отъ поста Малолагернаго, вблизи ст. Воронежской, шла по р. Кубани до ея устья, вблизи ст. Таманской и защищалась Черноморскими казаками, имѣвшими всѣ три рода войскъ. Линія состояла изъ ряда укрѣпленныхъ постовъ и небольшихъ редутовъ подѣ названіемъ „батареекъ“. Укрѣпленія эти занимались мѣстами конными, мѣстами пѣшими казаками. Штабы конныхъ полковъ въ первой половинѣ 1853 г. были: 1-го, 4-го и 7-го въ ст. Полтавской, 2-го на Великолагерномъ посту, 3-го на Константиновскомъ, 5-го и 8-го въ г. Екатеринодарѣ, 6-го и 9-го въ ст. Уманской, 10-го на Смолянскомъ посту, 11-го на Екатерининскомъ и 12-го на Копыльскомъ.

Пѣшіе баталіоны имѣли штабъ-квартиры: 1-й и 2-й въ укр. Абинѣ, 3-й въ Алексѣевскомъ у Анапы (временно), 4-й въ укр. Георгіе-Афипскомъ, 5-й и 8-й въ г. Екатеринодарѣ, 6-й и 9-й въ ст. Уманской, 7-й въ Ольгинскомъ; артиллерія въ то время не имѣла постоянныхъ квартиръ: батареи то и дѣло передвигались съ мѣста на мѣсто, но ихъ болѣе всего было въ Екатеринодарѣ и на постахъ Ольгинскомъ и Копыльскомъ.

Служба и жизнь на постахъ и батареяхъ Черноморской кордонной линіи, сравнительно съ другими линіями, были самыми тяжелыми и полныя опасностями,—климатъ вредный, болота по р. Кубани, подѣ названіемъ „плавни“, порождали опасныя лихорадки, даже съ корчами. Черноморскіе казаки на этой линіи, въ буквальномъ смыслѣ, не имѣли покоя,—препримчивый врагъ, жившій вблизи, ухитрялся разными своеобразными способами переправляться черезъ Кубань для грабежей; съ началомъ весны изъ плавней появлялись тучи комаровъ, по вечерамъ и ночамъ единственнымъ спасеніемъ не опухать отъ ихъ укусовъ было „курево“,—казаки зажигали навозъ

и сидѣли подѣ вѣтромъ, обдаваемые дымомъ, тамъ и ложились спать. Офицеры спали въ офицерскомъ отдѣленіи при казармахъ, съ густыми пологами надъ кроватями, плотно ими охваченными, а растворенныя лѣтомъ окна плотно закрывались кисеею; чѣмъ дѣлалось теплѣе, тѣмъ болѣе появлялось разныхъ жалящихъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ особенно надоѣдали казакамъ и ихъ лошадямъ слѣпни—овода.

И такая тяжелая жизнь на постахъ, въ сравненіи съ жизнью на батареяхъ и въ секретяхъ, на тропахъ къ Кубани, можно сказать, была удобною;—трудно описать, что приходилось испытывать Черноморцамъ лѣтомъ, вѣрнѣе въ теченіе 7 мѣсяцевъ по батареямъ и секретамъ, на постахъ; отъ комаровъ и прочихъ кровопійцъ можно было по ночамъ хотя немного спастись куревомъ, можно было, покамѣстъ „курило“, запалить люльку, вздремнуть, а на батареяхъ и этого удобства и роскоши не было; батареи были около переправъ чрезъ Кубань, на нихъ надобно было соблюдать тишину и быть крайне осторожными, чтобы ловко переправлявшіеся горцы, часто рыскавшіе вблизи, не подкрались бы и не положили пулю на мѣстѣ неосторожнаго, освѣщеннаго куревомъ или искрами отъ трубки;—курево освѣщало бы внутренность батареи, а мѣткій выстрѣлъ прекращалъ бы жизнь освѣщаемыхъ. Но самое тяжелая служба была въ секретяхъ по тропамъ къ Кубани; тамъ гнѣздились уже комары, которые съ сумерекъ до восхода солнца клубами вертѣлись надъ всѣмъ живымъ и истязали его; тамъ надобно было быть не только зоркимъ, но и неподвижнымъ, чтобы себя охранить и не предостеречь шумомъ врага—горцы прокрадывались какъ рыси на добычу. Можно представить, каково было положеніе въ секретяхъ казаковъ, лежавшихъ пластами! Вотъ въ этихъ то секретяхъ и выработались тѣ легендарные герои—Черноморскіе пластуны, которые и въ войнѣ 1853—1856 гг. съ отлично обученными войсками союзниковъ французовъ, англичанъ и итальянцевъ прославились; кто изъ любознательныхъ людей не знаетъ, какіе подвиги совершены Черноморцами при осадѣ Севастополя? Кто не знаетъ, какъ эти казаки, являясь неожиданно то здѣсь, то тамъ, наводили страхъ даже на пресловутыхъ французскихъ зуавовъ?! Чѣмъ морознѣе, лютѣе была

зима, тѣмъ зорче и осторожнѣе надобно было нести службу на кордонной линіи. Кубань замерзала, вездѣ были готовы переправы для шаекъ и партій горцевъ, тогда еще нужно было дѣлать и осмотръ окрестъ лежащей мѣстности: нѣтъ ли по снѣгу сакмы, слѣдовъ горскихъ коней. Только закаленная всякими невзгодами натура черноморца, потомка славныхъ запорожцевъ, да беззавѣтное отношеніе къ точному исполненію службы Царю и отечеству, могли не только исправно, но и отлично исполнять такую тяжелую службу! Съ іюля по октябрь начинали свирѣпствовать по линіи лихорадки, — въ лазареты отправляли только тѣхъ, кто, истощенный лихорадкою, не могъ уже стоять на ногахъ, а если бы отправлять въ лазареты всѣхъ лихорадочныхъ, то посты и батареи опустѣли-бы. При этомъ надобно имѣть въ виду, что тогда хина была очень дорога и для сокращенія казенныхъ расходовъ, для леченія отъ лихорадки въ лазареты присылали *pulvis absentiae* (небольшая часть хины, смѣшанная съ перетертою полынью).

Служба и жизнь войскъ на правомъ флангѣ были легче и удобнѣе, — климатъ тамъ несравненно здоровѣе. Лѣтомъ и тамъ частенько были тревоги, а при прорывѣ большихъ партій на линію линейнымъ казакамъ не рѣдко приходилось гоняться за ними до полнѣйшаго истомленія коней, а пѣхотѣ и артиллеріи до изнеможенія. Тамъ, внѣ станицъ, было немного постовъ, они были преимущественно по почтовымъ трактамъ; для охраны людей, работающихъ въ полѣ и проѣзжихъ ежедневно рано утромъ изъ станицъ, высылались разъѣзды для осмотра окрестностей, а, по осмотрѣ, ставились денные пикеты на мѣстахъ, откуда удобнѣе было наблюдать за появленіемъ непріятеля. Зимой же тамъ горцы избѣгали нападать, ихъ тогда легко было выслѣживать по снѣжной сакмѣ; тамъ отъ преслѣдованія не такъ легко было спастись, какъ на Черноморской линіи, гдѣ уходитъ въ плавни и лѣса по Кубани было близко и скрываться въ заросляхъ по ней, а на правомъ флангѣ передовыя станицы были частью по Кубани, по Лабѣ и Урупѣ; при открытіи партіи, погони за ними нерѣдко были долгія, на десятки верстъ. Въ то время казаки имѣли лучшихъ лошадей, чѣмъ теперь, — одна Черноморія снабжала всю артиллерію и обозы пѣхоты въ войскахъ, расположенныхъ

на нынѣшней территоріи Кубанской области своими добрыми конями, а на ярмаркахъ въ ст. Прочноокопской, Лабинской и г. Ставрополѣ всегда можно было найти сотни отличныхъ скакуновъ и при томъ выносливыхъ лошадей кабардинской и абазинской породъ; лошади заводовъ Атажукина, Дударукова, Безарукова, Лоова и Трамма славились красотой и выносливостью. Земли были плодородныя, жить было не дорого, а тогда Черноморцамъ и Линейцамъ приходилось работать въ полѣ съ винтовкою, ружьемъ за плечами, и все таки тогда казаки жили богаче, чѣмъ теперь, а отъ того, что меньше пили, да и дисциплина была серьезнѣе; наплывъ разнаго люда въ станицы подъ названіемъ „иногородныхъ“, сильно способствовалъ паденію нравственности и трудолюбія между казаками. Войска праваго фланга состояли изъ двухъ полковъ 19 пѣхотной дивизіи—Ставропольскаго и Кубанскаго, пяти казачьихъ бригадъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, пяти Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, 19 артиллерійской бригады и трехъ ротъ подвижной крѣпостной артиллеріи; кромѣ того, къ этимъ войскамъ былъ прикомандированъ Донской № 15 полковника Ягодина полкъ, стоявшій въ Прочноокопскомъ укрѣпленіи.

Войска на Черноморской береговой линіи въ нынѣшнихъ предѣлахъ Кубанской области и Черноморской губерніи состояли изъ 8 Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ отъ Анапы до поста Адлеръ, Донскаго № 29 войсковаго старшины Номиконова полка въ поселкѣ Витязевомъ, вблизи кр. Анапы, баталіона и батареи отъ Черноморскихъ казаковъ, горной батареи и двухъ-крѣпостной подвижной и Анапскаго горскаго полуэскадрона, сформированнаго изъ мирныхъ Натухайцевъ, а частью Кабардинцевъ.

Служба и жизнь на береговой линіи были не красны; тамъ, кромѣ кр. Анапы, свирѣпствовала лѣтомъ малярія; въ пять лѣтъ мѣнялся составъ нижнихъ чиновъ въ баталіонахъ, вырванный малярією. Укрѣпленія по этой линіи, вслѣдствіе близости къ берегу моря горныхъ отроговъ, пересѣченной мѣстности и зарослей, имѣли между собою единственное сообщеніе—моремъ; сообщеніе производилось на военныхъ судахъ и баркасахъ Азовской гребной флотиліи. Лѣтомъ сообщеніе бывало исправное, но осенью и зимою отъ частыхъ непогодъ

и бурь на морѣ, гарнизоны иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не получали почтъ и даже необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Укрѣпленія эти служили еще „не столь отдаленнымъ мѣстомъ“ ссылки для провинившихся офицеровъ въ другихъ частяхъ Россіи и Кавказа; про офицеровъ тамъ существовала поговорка: „кто изъ нихъ не сойдетъ съ круга отъ пьянства, или не женится подъ пьяную руку на первой попавшейся женщинѣ, безъ справки о ея поведеніи и происхожденіи, тотъ съ желѣзнымъ характеромъ“.

III.

Военныя дѣйствія въ означенныхъ частяхъ Западнаго Кавказа въ 1853 году.

Съ ноября мѣсяца 1852 г. къ горцамъ западнаго Кавказа и въ особенности къ предводителю Абадзеховъ Магометъ-Эмину стали пріѣзжать довольно часто изъ Турціи эмиссары, подговаривавшіе горцевъ, отъ имени султана, къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ насъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ землѣ Натухайцевъ у устья р. Сукко высадились трое турокъ съ подарками султана Магометъ-Эмину; всѣми этими посланцами руководилъ въ Турціи Мустафа паша, служившій тамъ по дипломатической части. Натухайцы встрѣтили гостей съ почетомъ и проводили ихъ до Шапсуговъ; слухъ о посланцахъ султана разнесся по горамъ, о миссіи этой стали ходить преувеличенные рассказы, въ особенности о подаркахъ султана и его обѣщаніяхъ. Рассказы эти дошли до командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи, отъ котораго послѣдовали предписанія и. д. Атамана Черноморскаго казачьяго войска полковнику Кухаренко и начальнику праваго фланга генераль-маіору Евдокимову усилить по возможности передовыя линіи. Начало декабря прошло благополучно, но съ половины мѣсяца то и дѣло на линіяхъ стали появляться смѣлыя шайки горцевъ, прорывавшихся даже до станицъ; нападенія начали Шапсуги, а за ними и прочіе горцы. Къ половинѣ января 1853 года нападенія участились. Чтобы предупредить дальнѣйшія нападенія и заставить горцевъ позаботиться о собственной безопасности, полковникъ Кухаренко рѣшилъ напасть

на нихъ, сдѣлавъ распоряженіе о секретномъ сборѣ войскъ къ посту Ольгинскому, гдѣ былъ мостъ черезъ Кубань. Казаки по ночамъ приходили на постъ и ихъ всего къ 24 января собралось: 3¹/₂ пѣшихъ баталіона, 6 сотенъ, при 10 легкихъ орудіяхъ. Приѣхавъ вечеромъ на постъ, Кухаренко въ полночь съ этимъ отрядомъ Черноморцевъ, перейдя по мосту Кубань, остановился, чтобы выдѣлить изъ отряда отдѣльную колонну для нападенія на намѣченный пунктъ съ двухъ сторонъ. Рѣшено было разорить два аула въ урочищѣ Мазимъ-ху. Отдѣленная колонна изъ 6 ротъ пѣшихъ, трехъ сотенъ конныхъ, при 4 орудіяхъ, была поручена полковнику Крыжановскому. По рассказамъ проводниковъ изъ мирныхъ горцевъ полковнику Кухаренко въ Мазимъ-ху было два аула, одинъ при входѣ въ небольшое ущелье, а другой недалеко отъ него за небольшимъ лѣсомъ, раздѣлявшимъ пашни ауловъ; съ западной стороны ущелья, противъ задняго аула, были небольшія высоты, покрытыя лѣсомъ.

На основаніи этихъ свѣдѣній Кухаренко рѣшилъ не только сжечь оба аула, но и нанести потерю жителямъ ихъ; для достиженія цѣли, онъ указалъ Крыжановскому идти лѣсомъ прямо въ Мазимъ-ху и атаковать первый аулъ, а, по взятіи его, продвинуться къ лѣску между аулами; съ своею же колонною Кухаренко двинулся правѣе, чистыми мѣстами къ перелѣску, на высотѣ у втораго аула; путь этотъ былъ длиннѣе пути наступленія Крыжановскаго, а потому Кухаренко двинулся первымъ. Едва начинало свѣтать, а колонны уже подошли къ цѣли экспедиціи; Крыжановскій, подойдя къ первому аулу, распредѣлилъ свои пѣшія силы поровну, для атаки аула съ двухъ сторонъ, а въ резервѣ и прикрытіи артиллеріи остались сотни конныхъ казаковъ. Артиллерія, когда пѣшіе казаки пошли въ обходъ аула, тихо подалась впередъ снявшись съ передковъ въ 300 саженьяхъ отъ аула; поднявшись въ аулъ лай собакъ былъ заглушенъ залпомъ орудій, потомъ другимъ; выбѣгавшіе изъ саклей горцы попадали подъ огонь орудій, бившихъ въ средину его; спасаясь, горцы съ своими семьями попадали подъ ружейный огонь обходныхъ колоннъ, перешедшихъ въ быстрое наступленіе къ аулу, который и заняли. Жители задняго аула, услышавъ впереди выстрѣлы,

поскорѣе вооружились и кинулись на помощь сосѣдямъ, но, пробѣжавъ уже промежуточный между аулами лѣсокъ, остановились, увидя безотрадную картину у сосѣдей, которые, спавшаясь, бѣжали имъ на встрѣчу. Въ это то время загремѣли выстрѣлы у втораго аула, — ужась объялъ прибѣжавшихъ и подбѣгавшихъ горцевъ, оставалось одно — скорѣе спастись въ ближній лѣсъ на лѣво. Крыжановскій, по занятіи аула, приказалъ зажигать его, а когда раздались пушечные выстрѣлы у Кухаренко, двинулся впередъ къ перелѣску, обстрѣливая его артиллерією. Когда выстрѣлы въ отрядѣ Кухаренко стали приближаться, Крыжановскій всею колонною двинулся въ перелѣсокъ и погналъ оттуда горцевъ на колонну Кухаренко. Непритель сталъ разбѣгаться въ разсыпную; колонны соединились за перелѣскомъ, оба аула пылали. Колонна полковника Кухаренко, поднявшись въ лѣсокъ надъ вторымъ ауломъ, была остановлена для небольшого отдыха и выжиданія атаки Крыжановскаго; когда у послѣдняго участился огонь, Кухаренко, рассчитывая, что жители задняго аула уже, вѣроятно, побѣжали на тревогу въ передній аулъ, въ буквальномъ смыслѣ обрушился съ высоты на лежащій предъ нимъ аулъ; — Черноморцы съ гикомъ, крикомъ и визгомъ, ворвались въ аулъ; обезумѣвшіе отъ страха старики, женщины и дѣти спасались куда попало, попадая не рѣдко подъ казачьи пули; разогнавъ непрителя, казаки, похозяйничавъ по-своему въ аулѣ, стали поджигать его; когда аулъ запылалъ, Кухаренко двинулся на встрѣчу Крыжановскому, — непритель разбѣжался, пора была отступать. Соединившіеся колонны тронулись на дорогу по пути наступленія Кухаренко, по чистымъ мѣстамъ. Пушечные выстрѣлы встревожили окрестное населеніе горцевъ; толпы ихъ стали сбѣгаться къ мѣсту боя, но отрядъ уже вытягивался на чистыя мѣста, бой загорѣлся въ арьергардѣ, но не надолго; — отрядъ уже миновалъ удобныя для горцевъ мѣста боя, а на чистыхъ мѣстахъ они избѣгали драться, боясь атаки кавалеріи; отрядъ пошелъ на р. Куннипсе, а оттуда уже шла совершенно безопасная дорога къ Ольгинскому посту. Въ аулахъ казаки насчитали 17 тѣлъ убитыхъ ими горцевъ; въ обоихъ аулахъ отбито казаками 529 штукъ рогатаго скота, а въ казачьихъ торбахъ была еще кое-какая живность, — у этого курица, у того индѣйка:

конные казаки тоже успѣли кое-что взять въ торока. Потеря казаковъ состояла изъ 11 человекъ раненыхъ, убитыхъ не было.

Кухаренко, по прибытіи на постъ, предположилъ, что сбѣжавшіеся на тревогу горцы, видя отступленіе отряда за Кубань, успокоятся и разойдутся по ауламъ, — рѣшилъ еще разъ побывать за Кубанью. Давъ отряду 26-го отдыхъ на посту, онъ въ ночь на 27-е число пошелъ со всѣмъ отрядомъ, чрезъ мостъ и, перейдя его, повернулъ вверхъ по рѣкѣ вдоль плавней, а потомъ повернулъ къ р. Иль, гдѣ, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, было нѣсколько Шапсугскихъ хуторовъ. Погода стояла морозная, а потому отрядъ шелъ довольно быстро. Предъ разсвѣтомъ отрядъ приблизился къ хуторамъ, кутанамъ; ихъ было два; сотни тотчасъ же окружили первый хуторъ, онъ тотчасъ же запылалъ, а за нимъ и другой. Пикеты горцевъ, стоявшіе вблизи хуторовъ вверхъ по Илю, подняли тревогу.

Кухаренко, сжегши хутора, сталъ отступать. Собравшіеся изъ сосѣднихъ ауловъ горцы стали преслѣдовать отрядъ, въ цѣпяхъ перестрѣлка стала разгораться; горцы, надѣясь на подкрѣпленіе отъ земляковъ съ р. Хабль, стали настойчиво преслѣдовать арьергардъ. Кухаренко направилъ въ арьергардъ всѣ свои 10 орудій, огонь которыхъ скоро охладилъ пылъ Шапсуговъ; большихъ подкрѣпленій не подошло и горцы стали понемногу отставать; къ вечеру отрядъ пришелъ на Ольгинскій постъ, потерявъ за день 16 человекъ ранеными.

Командиръ Кавказскаго корпуса Князь Воронцовъ, получая часто донесенія о набѣгахъ на наши линіи горцевъ, узнавъ о предусмотрительныхъ движеніяхъ полковника Кухаренко 25 и 27 января, въ приказѣ по корпусу отъ 26 февраля за № 32, изъявляя свое удовольствіе, выразилъ искреннюю благодарность полковнику Кухаренко и особо отличившимся въ этихъ дѣлахъ: полковнику Крыжановскому, подполковникамъ Гусарову, Жилинскому и Бѣднягину; состоящимъ при исп. долж. Наказнаго Атамана капитанамъ: Клингеру и Худобашеву; строевымъ чинамъ: есауламъ Попко, Отрѣшко и Нарѣжному; сотникамъ: Вербицкому, Корсуну и Литевскому; состоящему при штабѣ Черноморскаго войска инженеръ-поручику Клейсту. Всѣмъ казакамъ, участвовавшимъ въ дѣлахъ, тоже объявлена благодарность.

На Кубанской и Лабинской линияхъ тревоги тоже стали очень частыми, мелкія партіи прорывались тайкомъ, по ночамъ, къ станицамъ и вблизи ихъ брали въ плѣнъ; Командующій войсками, тоже, какъ и испр. должн. Наказнаго Атамана Черноморскаго войска, нашель, что только наши наступательныя дѣйствія и могутъ остановить набѣги разгулявшихся черкесъ, предложилъ полковнику Кухаренко и генералу Евдокимову поскорѣе начать вторженія къ горцамъ, пользуясь холодною зимою, когда лѣса не одѣты и дороги сухи.

Распоряженіе командующаго войсками въ исполненіе привели первыми Черноморцы; по распоряженію и. д. атамана полковника Кухаренко, на Ольгинскомъ посту, подъ командою полковника Крыжановскаго. Къ 3 февраля собралось: 629 пѣшихъ и 265 конныхъ Черноморцевъ. Взявъ съ поста 2 легкихъ орудія, Крыжановскій съ этимъ отрядомъ вечеромъ двинулся за Кубань къ р. Хабль, гдѣ у Чахпукскаго лѣса ютились горцы по хуторамъ. Предъ разсвѣтомъ отрядъ былъ у лѣса, гдѣ въ тишинѣ расположился на отдыхъ. Когда стало разсвѣтать, отрядъ поднялся, и, быстро пройдя полосу лѣса, за которой были хутора по ручьямъ, впадающимъ въ Хабль, внезапно появился среди хуторовъ. Неожиданное въ этой глуши нападеніе сначала смутило горцевъ, они старались спасти только свои семьи. Пѣшіе казаки выбивали горцевъ изъ саклей, а конные, отбивая скотъ, сгоняли его въ одно стадо. Къ полудню уже пылало 17 хуторовъ. На тревогу горцы сбѣгались со всѣхъ сторонъ, и, не рѣшаясь нападать на казаковъ по открытымъ мѣстамъ у хуторовъ, рѣшили схватиться съ казаками въ Чахпукскомъ лѣсу, при ихъ отступленіи къ Кубани; но Крыжановскій уже предвидѣлъ, что Шапсуги навѣрное встрѣтятъ его въ этомъ лѣсу, стянувъ въ одну колонну отрядъ, повернулъ его влѣво и пошелъ прямо къ Кубанскимъ плавнямъ, и, оставя Чахпукскій лѣсъ лѣвѣе, пошелъ чрезъ пашни. Бывшіе вблизи горцы замѣтили хитрость казаковъ, дали знать о ней засѣвшимъ въ лѣсу; кучки горцевъ со всѣхъ сторонъ бросились за отрядомъ, но по принятому Крыжановскимъ направленію не было большихъ на большое растояніе лѣсовъ, а только перелѣски, да кусты. Перелѣски, при подходѣ отряда, обстрѣливались изъ орудіи, а потомъ ихъ занимали цѣпи, а по

кустамъ горцы не рисковали приближаться, боясь быть отрѣзанными конными казаками. Хотя преслѣдованіе отряда про-должалось и долго, но оно не было настойчивымъ, смѣлымъ, а это поспособствовало тому, что слабый отрядъ, забравшійся въ глубь непріятельскаго края, отдѣлался небольшою потерею;— отрядъ потерялъ 1 казака убитымъ и 7 ранеными. На хуторахъ было отбито и приведено на Ольгинскій постъ 110 штукъ рогатаго скота, да пѣшіе казаки, выбивая горцевъ изъ саклей, успѣли поживиться кое какою движимостью изъ саклей и курами.

Послѣдователь славнаго атамана Сысоева, полковникъ Кухаренко находилъ, что слѣдуетъ воспользоваться морозною зимою и снова побезпокоить Шапсуговъ, заставить ихъ позаботиться о собственной охранѣ, а не нападать на нашу линію; но предполагая, что Шапсуги могутъ быть уже на сторожѣ, мало того, могутъ быть поддержаны и Натухайцами, пришелъ къ заключенію, что для успѣха предпріятія необходимо раз-влекъ силы непріятеля. Для достиженія этой цѣли и. д. атамана Черноморцевъ вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ Черно-морской береговой линіи вице-адмираломъ Серебряковымъ. Изложивъ ему необходимость нападенія на горцевъ, Кухаренко просилъ его произвести изъ Новороссійска наступленіе къ рр. Адагуму и Абину. Серебряковъ вполнѣ раздѣлилъ мнѣніе Ку-харенки и въ особенности потому, что Натухайцы частенько стали беспокоить береговую линію, преимущественно около кр. Анапы, форта Раевского и вблизи Новороссійска. Изъявляя согласіе на производство движенія къ Натухайцамъ, Серебря-ковъ сообщилъ, что онъ въ ночь на 11-е февраля пойдетъ на р. Бакань,¹⁾ оттуда спустится внизъ и пойдетъ къ р. Абину, гдѣ 12 и 13 будетъ жечь хутора, а 14 отступить въ Ново-россійскъ.

Заручившись поддержкою вице-адмирала Серебрякова, полковникъ Кухаренко стянулъ въ укрѣпленіе Георгіе-Афипское 6 ротъ пѣшихъ и 2 сотни конныхъ Черноморцевъ, 6 легкихъ орудій и 2 ракетныхъ станка; прибывъ въ укрѣпленіе 10-го числа, онъ въ ночь на 11 число двинулся къ аулу Наджучо-хабль на р. Супсъ. На разсвѣтѣ отрядъ тихо приближался

¹⁾ Въ низовьяхъ р. Адагумъ.

къ аулу. Чтобы отвлечь часть жителей аула въ другую сторону, полковникъ Кухаренко направилъ бывшую въ отрядѣ команду пластуновъ изъ 12 человекъ въ обходъ аула, приказавъ ей, чтобы она, прокравшись кустами мимо аула, залегла бы съ противоположной его стороны и открыла бы пальбу по ближайшимъ саклямъ, а при атакѣ аула отрядомъ отбѣжала бы назадъ и пробралась къ отряду, дабы не попасть подъ свой пушечный огонь.

Пластуны скрылись въ кустахъ, а отрядъ, сохраняя полнѣйшую тишину, шагахъ въ 400 отъ ближайшихъ саклей, ожидалъ обхода аула пластунами. Вѣтерокъ былъ со стороны аула и собаки въ немъ не почуяли непрошенныхъ гостей.

Пластуны не замѣченными пробрались за аулъ и чрезъ кусты стали подползать къ нему; приблизившись, они разсмотрѣли, что ближайшія къ нимъ двѣ сакли изъ срубовъ прочныя, въ которыхъ хорошо защищаться и укрываться отъ выстрѣловъ; на краткомъ совѣтѣ пластуны рѣшили, что имъ нужно занять эти сакли, гдѣ будетъ безопаснѣе чѣмъ въ кустахъ. Раздѣлившись поровну, пластуны, встрѣченные собаками, ворвались въ сакли и тамъ при свѣтѣ отъ топившихся бухаровъ, — (каминовъ) безъ выстрѣловъ, — кинжалами и прикладами штуцеровъ, покончили съ хозяевами саклей, и, заслонивъ чѣмъ попало выбитыя двери, приготовились къ защитѣ; разбуженные неистовымъ лаемъ собакъ, горцы съ оружіемъ стали выбѣгать изъ своихъ саклей, ближніе къ пластунамъ были ими встрѣчены пальбою изъ дверей, аулъ зашумѣлъ; въ сакли, гдѣ укрылись пластуны уже полетѣли пули, но въ это время съ другой стороны аула слышались гикъ, визгъ, крикъ и, наконецъ, грохотъ орудій. Жители аула разстерялись, въ немъ поднялся вой и плачъ; часть горцевъ бросилась спасать свои семьи, а болѣе удалые изъ нихъ побѣжали на встрѣчу атакующему отряду, прекратя бой съ пластунами въ сакляхъ; а пластуны, замѣтивъ, что непріятель бросился въ другую сторону, выскочили изъ саклей въ кусты; хотя имъ вслѣдъ и было пущено нѣсколько пуль, но никто ими не былъ задѣтъ; добѣжавъ до гущи кустовъ, пластуны, отъ бѣготни едва переводя духъ, тихо пробирались къ другой сторонѣ аула — къ своимъ, прислушивались къ гулу подававшихся

впередъ выстрѣловъ, и благополучно присоединились къ отряду. Не смотря на свое опасное положеніе въ сакляхъ, а въ особенности при выходѣ изъ нихъ, пластуны не упустили случая кое-что прихватить съ собою изъ саклей для домашняго обихода и на закуску.

Шапсуги скоро поняли, что казаки въ двухъ сакляхъ — только ради обмана ихъ; направивъ семьи за р. Супсь, горцы у аула завязали бой, но скоро были выбиты изъ аула пѣшими казаками и огнемъ всѣхъ 6-ти орудій; едва аулъ былъ занятъ отрядомъ, какъ горцы повторили нападеніе изъ ближнихъ кустовъ, но казачьи цѣпи, прикрываясь саклями, легко отбили нападеніе, а два орудія, подѣхавшія къ краю аула, открыли огонь за р. Супсь по опушкѣ лѣса, гдѣ виднѣлись люди, убѣжавшія изъ аула. Орудійные выстрѣлы распространяли тревогу среди населенія по Супсу и его притокамъ; къ Наджучо-хабль стали сбѣгаться горцы со всѣхъ сторонъ, перестрѣлка стала разгораться.

Было уже 6 часовъ утра, шла горячая перестрѣлка у аула. Въ это время ясно слышались съ запада пушечные выстрѣлы. Полковникъ Кухаренко приказалъ своей артиллеріи участить пальбу по кустамъ вблизи аула и по опушкѣ лѣса за р. Супсомъ. Адмиралъ Серебряковъ, услышавъ частую пальбу у Кухаренко, тоже усилилъ артиллерійскій огонь для привлеченія къ себѣ Натухайцевъ.

До 9 часовъ утра въ обоихъ отрядахъ шла орудійная пальба, а въ цѣпяхъ — ружейная, а съ этого времени послѣдняя у Кухаренко стала стихать. Шапсуги, не надѣясь уже выбить изъ аула казаковъ, порѣшили энергично преслѣдовать ихъ при отступленіи изъ аула. Пользуясь ослабленіемъ перестрѣлки, Кухаренко приказалъ зажигать аулъ коннымъ казакамъ. Къ двумъ часамъ дня аулъ весь пылалъ. Началось отступленіе по направленію къ р. Афипсу чрезъ пахатныя поля горцевъ; отъ проводниковъ отряда Кухаренко узналъ, что въ верстахъ пяти отъ Наджучо-хабля на правомъ берегу р. Афипса есть большая поляна, что по дорогѣ туда-большею частью пашни и кусты. Находя это направленіе болѣе удобнымъ для отступленія, а большую поляну безопасною стоянкою отъ внезапнаго нападенія, и. д. атамана повелъ отрядъ по описанному направленію.

Между пашнями и ауломъ были кусты на протяженіи около версты; едва отрядъ подошелъ къ этимъ кустамъ, какъ оттуда посыпались пули; выдвинутыя въ авангардъ четыре орудія стали обстрѣливать кусты, цѣпи быстро ихъ заняли и отрядъ втянулся въ нихъ; предъ выходомъ на чистыя мѣста горцы, обстрѣливаемые орудейнымъ огнемъ, стали отставать, а на пашняхъ не рѣшались преслѣдовать, хотя и получили подкрѣпленіе изъ окрестныхъ ауловъ и хуторовъ.

Стоянка на полянѣ у праваго берега р. Афипсѣ въполнѣ была безопасна; горцы чрезвычайно рѣдко рѣшались нападать на наши войска на открытыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ толпы представляли хорошую цѣль для пушечнаго и ружейнаго огня и для атакъ кавалеріи. Отрядъ переночевалъ спокойно, казаки сытно поужинали отбитою въ аулѣ разнаго рода живностью и рогатымъ скотомъ.

На слѣдующій день полковникъ Кухаренко налегкѣ произвелъ поискъ вверхъ по Афипсу, на югъ отъ поляны, не углубляясь далеко въ лѣса; на Афипсѣ и впадающихъ въ него ручьяхъ было сожжено нѣсколько хуторовъ, но уже брошенныхъ горцами, въ ночь убравшимися съ семьями и своимъ добромъ въ гущу лѣсовъ.

Перестрѣлка въ этотъ день была слабою. На третій день полковникъ Кухаренко на разсвѣтѣ выступилъ прямо на сѣверъ; мѣстность была малозаросшая; отдохнувъ въ Георгіе-Афипскомъ укрѣпленіи, отрядъ передъ вечеромъ былъ уже за Кубанью—дома.

Потеря отряда за эти три дня состояла изъ одного убитаго и двадцати одного раненнаго казака.

Вице-адмиралъ Серебряковъ вышелъ, какъ прежде сообщилъ и. д. атамана, изъ Новороссійска съ вечера на 11-е февраля съ отрядомъ: изъ 6 Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, съ 80 матросами съ военнаго судна, стоявшаго въ Цемесской, Новороссійской бухтѣ, съ 1¹/₂ сотнями Донскихъ казаковъ № 29 полка и Анапскимъ горскомъ полуэскадромъ, при 3 легкихъ и 8 горныхъ орудіяхъ.

Къ разсвѣту отрядъ былъ уже у верховья р. Бакань. Здѣсь у рѣки былъ оставленъ весь обозъ подъ прикрытіемъ пяти ротъ пѣхоты, а остальные войска, послѣ непродолжитель-

наго отдыха, двинулись внизъ по рѣкѣ по правому берегу. Пройдя версты три, отрядъ перешелъ рѣку и направился къ замѣченному каваллерію за лѣскомъ хуторамъ горцевъ. Натухайцы, считая себя въ этой труппѣ безопасными, не выставляли на ночь карауловъ; пѣхота, пробѣжавъ лѣсокъ, неожиданно для горцевъ показалась у хуторовъ. Жители бросились спасаться по близъ лежащимъ балкамъ съ густою растительностью.

Легкія орудія, по приказанію Серебрякова, открыли огонь по балкамъ и возвышенностямъ, куда скрывались Натухайцы и гдѣ показывались изъ сосѣднихъ жилыхъ мѣстъ. Отрядъ до четырехъ часовъ дня, двигаясь по лѣвой сторонѣ р. Баканъ, уничтожалъ жилья мѣста горцевъ, а въ 4 часа поворотилъ назадъ и, пройдя рѣку, вернулся по прежнему пути на мѣсто расположенія обоза.

Пушечные выстрѣлы въ продолженіи дня были какъ бы вызовомъ горцевъ на бой; къ утру 12 числа уже собралась большая партія Натухайцевъ, расположившаяся въ заросляхъ у р. Баканъ, верстахъ въ 4-хъ ниже расположенія отряда, вблизи дороги внизъ по этой рѣкѣ. Серебряковъ же рѣшилъ въ этотъ день двинуться по направленію къ р. Абину и распространить тревогу среди Шапсуговъ, поселенія которыхъ начинались за лѣсомъ Сетуазе. Шапсуги тоже уже сбѣгались на тревогу и когда отрядъ вступилъ на дорогу чрезъ лѣсъ, въ цѣпяхъ его тотчасъ же открылась частая перестрѣлка; всѣ 8 горныхъ орудій придвинутыя къ цѣлямъ, открыли частый огонь картечью; пройдя лѣсъ Сетуазе, Серебряковъ поворотилъ къ р. Абину; всѣ жилья мѣста и встрѣчаемые лѣса по пути сжигались отрядомъ. Доносившійся гулъ выстрѣловъ изъ орудій съ р. Афиписа и былъ причиною такого смѣлаго вторженія Серебрякова въглубь земли Шапсуговъ: для Серебрякова было ясно, что отрядъ Кухаренко сильно развлекъ силы Шапсуговъ.

Собравшаяся партія Натухайцевъ, поджидавшая отрядъ у р. Вакана, отъ своихъ дозорныхъ узнала, что отрядъ пошелъ въ другую сторону—на востокъ, а доносившійся гулъ выстрѣловъ у лѣса Сетуазе вполне подтвердилъ полученныя свѣдѣнія отъ пикетовъ. Натухайцамъ еще со вчерашняго дня было извѣстно, что вагенбургъ отряда расположился въ вер-

ховьяхъ Бакана, почему они тутъ же порѣшили воспользоваться отсутствіемъ отряда и напасть на обозъ. Вице-адмиралъ Серебряковъ, предполагая, что орудійные выстрѣлы во весь день 11 числа, распространившіе тревогу по окрестностямъ, навѣрное заставили Натухайцевъ собраться въ большомъ числѣ и они легко могли напасть на вагенбургъ, — рѣшилъ усилить предъ выступленіемъ прикрытіе, для чего и отдѣлилъ еще три роты, а, благодаря этому, прикрытіе уже состояло изъ 8 ротъ съ однимъ легкимъ орудіемъ. Вагенбургъ былъ расположенъ на открытомъ, командующимъ мѣстностью бугрѣ.

Осторожно, тихо подкрадывалась партія, болѣе 300 человѣкъ, по зарослямъ вблизи рѣки, но пикеты съ бугра замѣтили ее; тотчасъ же къ угрожаемому мѣсту были придвинуты резервы; когда горцы на разстояніи до 150 шаговъ показались на чистомъ мѣстѣ, двѣ роты дали по нимъ залпъ; подѣхавшее орудіе пустило картечью; толпы горцевъ отбѣжали въ балку, подхвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ. Натухайцы, предводимые своимъ знаменитымъ храбрецомъ Джарымъ-Шаганъ-гиреемъ, снова повторили натискъ, но снова были отбиты и съ большею потерей, чѣмъ при первомъ нападеніи. Послѣ второй атаки, горцы отошли въ балки и болѣе уже не беспокоили вагенбурга.

У р. Абина отрядъ Серебрякова встрѣтилъ поселенія горцевъ; все встрѣчаемое на пути отряда уничтожалось огнемъ. Въ четыре часа отрядъ повернулъ назадъ и пошелъ въ обходъ лѣса Сетуазе, гдѣ засѣвшая партія, подкрѣпленная нападавшими на вагенбургъ, притаясь, ожидала отрядъ. Когда Серебряковъ уже подходилъ къ р. Бакану, притаившаяся партія пустилась въ догонку за отрядомъ; въ арьергардѣ загорѣлась жаркая перестрѣлка, но огонь всѣхъ 10 орудій сдержалъ натискъ непріятеля, который въ наступающіе уже сумерки сталъ отставать.

13 числа вагенбургъ отряда подъ прикрытіемъ пяти ротъ, но безъ артиллеріи, былъ направленъ въ Новороссійскъ, а остальные войска, снабженные продовольствіемъ на два дня, двинулись съ Серебряковымъ снова къ р. Абину, къ верховьямъ ручьевъ между рр. Баканомъ и Абиномъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, было много хуторовъ Шапсуговъ. Хотя

мѣстность по пути наступленія отряда мѣстами была очень пересѣченною и заросшею, но отрядъ, шедшій налегкѣ, имѣя съ собою только двѣ троечныхъ повозки для могущихъ быть убитыхъ и раненныхъ, быстро проходилъ неудобныя мѣста, а горцы не энергично вступали въ бой вслѣдствіе своей малочисленности; большая часть способнаго къ бою населенія еще спасала по лѣснымъ тущобамъ свои семьи и имущество. Вотъ почему отрядъ спустился къ Абину и расположился на ночлегъ на полянѣ у лѣваго берега рѣки.

Подвижность, за эти дни отряда стала сильно беспокоить не только Шапсуговъ, но и Натухайцевъ; большая часть партіи послѣднихъ пошла за Баканъ, чтобы изъ ближнихъ поселеній къ рѣкѣ уводить семьи въ дальнія, туда же отгонять и скоть. 14-го рано утромъ отрядъ повернулъ къ р. Бакану. Когда дозорные горцы убѣдились въ направленіи отряда къ этой рѣкѣ, немедленно дали знать партіи Шапсуговъ, ожидавшей отрядъ въ лѣсу за Абиномъ, верстахъ въ трехъ отъ мѣста ночлега отряда; конные тотчасъ же кинулись въ догонку за отрядомъ; скоро догнали его и въ цѣпяхъ пошла перестрѣлка. По переходѣ Бакана, къ Шапсугамъ присоединилась и оставшаяся часть партіи Натухайцевъ. Сначала горцы смѣло вступили въ бой, но Серебряковъ приказалъ перестать экономничать въ артиллерійскихъ снарядахъ, а потому артиллерія стала быстро облегчать свои зарядные ящики. Усиленный огонь пушекъ останавливалъ напоръ горцевъ, они стали осторожно преслѣдовать, а при осторожномъ преслѣдованіи непріятель не нанесетъ особаго вреда, что и произошло въ Новороссійскомъ отрядѣ. Не смотря на то, что отрядъ за эти дни углублялся не разъ въ мѣстности среди густого вражескаго населенія, потеря у него была не большая: ранено: два офицера и девятнадцать нижнихъ чиновъ, убитыхъ не было; въ вагенбургѣ было восемь раненныхъ нижнихъ чиновъ.

На правомъ флангѣ нападенія мелкихъ шаекъ на Лабинскую линію усилились; Командующій войсками на Кавказской линіи и Черноморіи въ секретномъ письмѣ, отъ 6 февраля, на имя начальника праваго фланга, сообщилъ, что по полученнымъ изъ горъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, главари шаекъ, на-

падающихъ на наши линіи преимущественно изъ Егерукаевцевъ и что аулъ ихъ на р. Уль, между рр. Фарсомъ и Гіагой „Асланъ Шукой“,—гнѣздо всѣхъ затѣй противъ насъ. На основаніи этихъ данныхъ въ письмѣ этомъ было предложено генераль-маіору Евдокимову „примѣрно наказать жителей этого аула, который совершенно уничтожить“.

Для исполненія этого распоряженія Евдокимову пришлось многое хорошо обсудить: поселенія горцевъ по Улю были почти недоступны съ Лабы; тамъ были знаменитые въ лѣтописяхъ о Кавказѣ Махошевскіе лѣса по р. Фарсу и за нимъ къ р. Гіагѣ; мѣстность была населена самыми удалыми изъ Абадзехскихъ обществъ Егерукаевцами и Махошевцами, ближайшими сосѣдями къ станицамъ по Лабѣ, въ нападеніяхъ и грабежахъ на которыя жители этихъ обществъ съ молодую развивали удалъ свою. Старожилы на Верхне-Кубанской, Лабинской и Урупской линіяхъ до сихъ поръ рассказываютъ о молодечествѣ и смѣлости шаекъ изъ этихъ обществъ. Болѣе удобнымъ пунктомъ для наступленія къ Улю былъ отъ р. Бѣлой, отъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія; но этотъ пунктъ былъ тѣмъ не выгоденъ, что въ этомъ мѣстѣ горцы скорѣе всего могли замѣтить скопленіе войскъ и приготовиться къ оборонѣ, собравшись въ большія партіи. Оставалось одно: секретно собрать войска въ Бѣлорѣченское. Евдокимовъ разослалъ секретныя предписанія начальникамъ частей войскъ о сборѣ и движеніи съ такимъ расчетомъ времени, чтобы части войскъ двигались только по ночамъ; сборъ казаковъ былъ назначенъ въ ст. Лабинской, а пѣхота была подъ рукою въ Майкопѣ, гдѣ, кромѣ Кубанскаго егерскаго полка, былъ еще 2-й баталіонъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, пришедшій изъ Владикавказа въ 1852 г. на усиленіе войскъ правого фланга. Войска стали стягиваться къ указаннымъ мѣстамъ, а самъ Евдокимовъ оставался въ укр. Прочноокопскомъ. Войска, согласно маршрутовъ собрались въ Бѣлорѣченское ночью 15 февраля, а въ полночь пріѣхалъ туда и самъ генераль Евдокимовъ. Въ этотъ день войска отѣхали, а начальники отдѣльныхъ частей были ознакомлены съ предстоящею цѣлью движенія. Всего въ Бѣлорѣченскомъ было собрано: 6-ть баталіоновъ пѣхоты, 18 сотенъ линейныхъ и 6 донскихъ казаковъ, при десяти пѣшихъ

и четырехъ конныхъ орудіяхъ; при казачьихъ сотняхъ находилось 22 ракетныхъ станка¹⁾).

Въ 11 часовъ ночи на 16 февраля отрядъ, сохраняя полную тишину, выступилъ изъ укрѣпленія; перейдя р. Гагу, отрядъ повернулъ къ Асланъ-шукаю на р. Уль. Предъ свѣоткаго привала Евдокимовъ раздѣлилъ отрядъ на колонны; впередъ выдвинута была колонна изъ 8 сотень казаковъ; начальство надъ нею было поручено командиру Донскаго № 15 полка полковнику Ягодину, которому было приказано обскатать аулъ и, выѣхавши на противоположную его сторону, перехватывать всѣхъ, кто побѣжитъ изъ аула, а при атакѣ его пѣхотою, ворваться въ аулъ.

Вторая колонна, изъ 6 сотень казаковъ, была поручена войсковому старшинѣ барону Фелькерзаму; колоннѣ этой указано было ворваться въ чистую отъ зарослей лощину, лѣвѣе аула, уничтожить тамъ хутора и охранять доступы къ аулу изъ этой лощины. По два баталіона пѣхоты были назначены для заслона доступовъ къ аулу справа и слѣва, чтобы не допускать подхода извнѣ по лѣснымъ зарослямъ подкрѣпленій въ аулъ, а заросли мѣстами были вблизи аула, а въ особенности съ правой стороны. Остальные два баталіона, четыре сотни казаковъ и вся артиллерія были назначены для атаки аула. Колонны тронулись по назначенію, только войска для атаки аула остались на мѣстѣ, пока ушедшіе пройдутъ къ указаннымъ мѣстамъ; минутъ чрезъ 20 тронулись впередъ назначенные въ атаку, предводимые самимъ генераломъ Евдокимовымъ. До аула этимъ войскамъ чрезъ кусты нужно было пройти еще около полверсты, какъ впереди, по направленію къ колоннамъ Ягодина, слышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, а вслѣдъ затѣмъ раздались выстрѣлы и въ боковыхъ пѣхотныхъ колоннахъ. Атакующія войска бѣгомъ были направлены въ аулъ, а артиллерія пошла рысью, — цѣпь пѣхоты раздалась и артиллерія не дожда шаговъ 500

¹⁾ Боевыя ракеты были при конныхъ казачьихъ частяхъ во время Кавказской войны. Дѣйствіе ихъ было полезно противъ конныхъ горцевъ, а ихъ было большинство. Ракеты своимъ сильнымъ шипѣніемъ при полетахъ пугали лошадей, которыя, какъ бѣшенныя, бросались по сторонамъ, а при разрывѣ чугунной головки ракеты, осколками ея поражались всадники и лошади.

до аула, обдала его снарядами, потомъ, приблизительно въ 200 шагахъ, ударила картечью по горцамъ выбѣгавшимъ изъ саклей на тревогу. Евдокимовъ приказалъ артиллеріи дать послѣдній залпъ и пустилъ на штурмъ баталіоны, а съ фланговъ ихъ пошли казаки. Ауль Асланъ-шукай оказался большимъ и огороженнымъ двумя рядами плетней, но не съ засыпанною ихъ серединою. Передніе роты ворвались въ ауль чрезъ плетни, а бывшія въ резервѣ быстро сломали загородки для себя и проѣзда казаковъ; пѣхота вела атаку въ середину аула, а казаки кинулись вдоль плетней съ права и слѣва. Егерукаевцы славно дрались, уступая саклю за саклей, но охваченные съ фланговъ, постепенно стали отступать, а въ это время въ тылу ихъ съ края аула пошла жаркая перестрѣлка. Понявъ, что они атакованы съ тыла, Асланъ-шукайцы стали отбѣгать къ краямъ аула, но и тамъ нарывались на сотни ихъ штурмующей колонны. Тутъ снова завязался бой, но не надолго: горцы были разбиты и пошли куда попало въ разсыпную; пѣхота выбила ихъ изъ саклей, нагнавъ на казаковъ и тутъ пошла нещадная рубка безпокойныхъ сосѣдей Лабинской линіи, попавшихъ какъ бы въ ловушку: кинутся къ плетнямъ—натыкаются на казаковъ, бросятся назадъ—тоже казаки Ягодинова, а цѣпи двухъ баталіоновъ не позволяютъ имъ не только гдѣ-либо укрыться, а даже и остановиться. Не смотря на такое критическое положеніе, горцы не сдавались и гибли. Ауль въ буквальномъ смыслѣ былъ очищенъ отъ непріятеля, но только не бѣжавшаго, а перебитаго.

Колонна Фелькерзама уже приближалась къ ущелью, куда была направлена, сохраняя при движеніи возможную тишину, когда раздались у Асланъ-шукай орудійные выстрѣлы; терять времени уже было нельзя,—сотни понеслись по ущелью къ хуторамъ; наѣхавшіе казаки стали рубить горцевъ, съ просонья выбѣгавшихъ изъ саклей на тревогу; по мѣрѣ очищенія отъ жителей хуторовъ, ихъ поджигали, а скоть сгоняли въ общее стадо. Колонна эта возвратилась къ 9 часамъ въ Асланъ-шукай, приведя съ собою большое стадо рогатаго скота. Со взятіемъ аула дѣло не кончилось,—въ цѣпяхъ направо и налево отъ аула шла живая перестрѣлка съ толпами горцевъ, прибѣжавшихъ и прискакавшихъ на выручку Асланъ-шукаевцевъ.

Пользуясь зарослями, въ особенности у правой цѣпи, горцы нѣсколько уже разъ съ гикомъ бросались на цѣпи, но были отбиваемы; съ занятіемъ аула пѣхота, бывшая у аула и въ аулѣ, была направлена на поддержку частей въ цѣпяхъ, съ нею пошла и артиллерія, которая, выбравъ удобныя позиціи, стала обстрѣливать заросли, направляя снаряды во флангъ непріятели.

Сильный огонь орудій умѣрилъ пылъ горцевъ; пользуясь этимъ, пѣхота стала отступать къ аулу; для артиллеріи тогда открылось болѣе широкое пространство для обстрѣла, она участила огонь; хотя дравшіеся съ отрядомъ Егерукаевцы и Махошевцы славились своею удалью, но видя аулъ прочно занятъ, воизбѣжаніе напрасной потери, стали останавливаться у опушекъ лѣса и кустовъ, а потому перестрѣлка въ цѣпяхъ постепенно затихла.

Сильныя перестрѣлки въ обѣихъ цѣпяхъ и энергичныя тамъ дѣйствія горцевъ показали генералу Евдокимову, что непріятель уже собрался въ большія силы. Отступленіе къ Бѣлорѣченскому въ тотъ же день навѣрное было бы сопряжено съ большею потерею въ людяхъ, при движеніи между р.р. Уль и Гагою по зарослямъ; провіантъ — сухари былъ взятъ на три дня, отбитаго скота было много, а потому Евдокимовъ рѣшилъ остаться у Асланъ-шукая и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ; болѣе всего онъ надѣялся на стоявшіе тогда морозы, когда горцы неохотно выжидаютъ движенія нашихъ отрядовъ, и на то еще, что остановка такого большого отряда на ночлегъ могла подать горцамъ мысль, что отрядъ можетъ двинуться впередъ и имъ нужно позаботиться о защитѣ другихъ ауловъ.

Предположенія генерала вполне подтвердились. Не смотря на многочисленность горцевъ день, вечеръ и ночь прошли для отряда спокойно. Пользуясь уходомъ горцевъ, Евдокимовъ на разсвѣтѣ, подъ прикрытіемъ шести сотень казаковъ, отправилъ назадъ обозъ и раненныхъ кружнымъ путемъ чрезъ чистыя мѣста; для обоза по этому направленію опасно было пройти первыя отъ отряда версты четыре по лѣснымъ зарослямъ, а далѣе шли уже неудобныя для горцевъ мѣста — чистыя. Близость отряда и отсутствіе горцевъ ночью, гарантировали движенія обоза и повозокъ съ ранеными; вагенбургъ благополучно прошелъ лѣсъ.

Было уже свѣтло; по направленію отъ дороги, по которой шелъ обозъ по прежнему было тихо. Съ аванпостовъ видѣли только небольшія кучки горцевъ; этотъ моментъ и выбралъ генераль Евдокимовъ для отступленія. Зажегши Асланъ-шукай, отрядъ двинулся; при вступленіи въ лѣсъ въ цѣпяхъ завязалась перестрѣлка, но слабая; отрядъ шелъ на легкѣ; приказано было ускорить движеніе; отступленіе по зарослямъ верстъ на 7 было пройдено съ незначительною перестрѣлкою, а далѣе, хотя и попадались перелѣски, но ихъ можно было обхватывать, а горцы, видя массу казаковъ, не рисковали занимать ихъ, боясь быть выбитыми оттуда пѣхотою на чистыхъ мѣстахъ подъ удары казаковъ.

Потеря отряда была не малая за оба дня; убито: 1 оберъ-офицеръ и 11 нижнихъ чиновъ; ранено: 5 оберъ-офицеровъ и 106 нижнихъ чиновъ. Двѣ трети потери пришлось на долю 2-го баталіона Тенгинскаго полка¹⁾ и 3-го баталіона Кубанскаго. Князь Воронцовъ, командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, получивъ объ этомъ дѣлѣ донесеніе, остался очень доволенъ и изъявилъ свою признательность генераль-маіору Евдокимову и полковникамъ Ягодину, Кемферту и Пулло²⁾.

Къ веснѣ подъемъ духа у горцевъ, благодаря пропагандѣ изъ Турціи, вообще усилился по всему пространству нынѣшнихъ Кубанской области и Черноморской губерніи; даже въ спокойномъ до этого времени Карачаѣ появились „безпокойныя головы“, что не мало тревожило Кавказское начальство, но происшествіе въ Карачаѣ 27 марта показало, что тамъ можно быть спокойнымъ за массу населенія; происшествіе это таково: въ этотъ день у лѣваго берега р. Марухъ, гдѣ паслись стада овецъ нѣсколькихъ карачаевцевъ, пастухи замѣтили шайку какихъ то подозрительныхъ вооруженныхъ всадниковъ, издали осматривающихъ стада; опасаясь грабежа, пастухи послали одного изъ товарищей коннымъ дать знать о появленіи

¹⁾ 2-й баталіонъ Тенгинскаго полка, стоявшаго въ кр. Владикавказъ, временно былъ на правомъ флангѣ; онъ былъ присланъ на усиленіе войскъ этого фланга въ январѣ 1853 г. Баталіонъ былъ подъ командою полковника Кемферта, бывшаго потомъ, въ 1859 г. помощникомъ Командующаго войсками лѣваго крыла графа Евдокимова.

²⁾ Приказъ по корпусу отъ 5 марта 1853 г. за № 37.

шайки; посланный поспѣшилъ съ этимъ извѣстіемъ къ старшинѣ Асланъ беку-Крымшамхалову¹⁾).

Этотъ старшина немедленно разослалъ гонцевъ для вызова желающихъ преслѣдовать подозрительную шайку; на зовъ прискакало 25 человекъ въ непродолжительное время. Старшина, опасаясь нападенія шайки на стадо, рѣшилъ не ожидать другихъ, а отправиться съ явившимися, слѣдуя указанію пастуховъ; погоня открыла за Марухомъ шайку, которая тоже замѣтивъ Карачаевцевъ, поскакала на западъ къ заросшей и пересѣченной мѣстности. Карачаевцы не жалѣли коней, стали насѣдять; шайка пошла въ рассыпную, но преслѣдующимъ удалось отрѣзать часть и загнать ее въ балку. Карачаевцы заняли доступы въ балку съ обѣихъ сторонъ и открыли огонь по скрывавшимся въ ней хищникамъ, въ числѣ 7 человекъ; когда двое изъ шайки были убиты, остальные не видя спасенія, сдались; вся шайка состояла изъ Тамовцевъ²⁾).

Плѣнные были сданы Карачаевскому приставу, а трофеи изъ оружія отъ 7 человекъ и лошади, по приказанію пристава, отданы были Карачаевцамъ.

Князь Воронцовъ оцѣнилъ дѣйствія Карачаевцевъ: старшина и всѣ участники были щедро вознаграждены³⁾ „въ примѣръ другимъ“.

Князя Воронцова этотъ случай порадовалъ потому, что послѣ него непокорные Тамовцы и ихъ сосѣди-родичи по племени Кызилбековцы и Шахгиреевцы навѣрное стали открытыми врагами Карачаевцевъ, которымъ послѣ этого случая наше покровительство стало необходимою.

Рѣка Кубань у бывшаго тогда поста Копыль, нынѣ ст. Славянская, раздѣляется на два рукава: одинъ, текущій на сѣверъ, называется р. Протокою, впадающею въ Азовское море, а другой, направляющійся на западъ, р. Кубань; у поста

¹⁾ Правильнѣе—Крымшамхалову, но Карачаевцы произносятъ не шамхаль, а „шацхаль“—такъ Арсланъ-бекъ и значитъ въ официальномъ донесеніи о дѣлѣ 27 марта, объявленномъ въ приказѣ по корпусу 4 мая 1853 г. за № 82.

²⁾ Горцы Абазинскаго племени, жившіе въ верховьяхъ р. Большой Лабы—въ Тамовскомъ ущельѣ, преимущественно у подножія горъ Калширь.

³⁾ О подвигѣ Карачаевцевъ и наградахъ за него объявлено въ приказѣ по отдѣльному Кавказскому корпусу отъ 4 мая 1853 г. № 82.

Копыль отъ протоки отдѣляется рукавъ, текущій на западъ и впадающій верстахъ въ 5 въ Кубань; рукавъ этотъ носитъ названіе Кара-Кубань, черная Кубань.

Такое раздѣленіе теченія Кубани образовало въ углу, между главнымъ теченіемъ и Протокою, островъ, въ то время зароставшій частью мелкоколѣсьемъ¹⁾, а частью камышами; сообщеніе по этому острову было доступно только знающимъ хорошо тропинки по немъ, — тамъ по зарослямъ были непроходимыя болота.

Островъ этотъ съиздавна служилъ пріютомъ для мелкихъ, а иногда и большихъ, шаекъ горцевъ, внезапно нападавшихъ изъ-за Каракубани на жителей и ихъ стада въ Черноморьѣ. Населенія Шапсуговъ были близки, ихъ хутора начинались близко за Кубанью, а по притокамъ ея съ южной стороны были и большіе аулы; удобная вблизи острова переправа чрезъ Кубань-Псебедахъ — была въ рукахъ горцевъ; вотъ почему Копыльскій постъ былъ опаснымъ мѣстомъ; гарнизонъ его, сравнительно съ другими постами на Черноморской кордонной линіи, былъ въ увеличенномъ размѣрѣ, а климатъ былъ ужасный — малярія свирѣпствовала тамъ, стоявшіе въ гарнизонѣ казаки сильно болѣли, начиная съ мая и кончая октябремъ. Важность занятія этого острова, какъ важнаго стратегическаго пункта для возможнаго прекращенія нечаянныхъ нападений изъ него, вполне оцѣнилъ генералъ Ермоловъ; онъ, основываясь на Кучукъ-Кайнарджинскомъ трактатѣ, въ 1822 году хотѣлъ занять этотъ островъ; тогда границею было бы главное теченіе Кубани, согласно трактата; но наша дипломатія на отрѣзъ отказала Ермолову, ссылаясь на то, что Турція навѣрное сочтетъ занятіе острова за нарушеніе трактата!²⁾ (Вѣроятно же всего, что отказъ послѣдовалъ въ виду того, чтобы русскій народъ не узналъ ошибки своей дипломатіи въ 1774 г.).

Какъ можно теперь судить, Кавказское военное начальство и Черноморцы твердо знали границы Россіи по Кучукъ-Кайнарджинскому трактату и уступчивость нашей дипломатіи.

¹⁾ Я потому, описывая теченіе Каракубани, употребляю прошедшее время, что въ настоящее, вслѣдствіе обработки тамъ земель, нѣтъ уже тѣхъ зарослей и болотъ, которыя тогда составляли тяжкое наказаніе для гарнизона поста.

²⁾ См. сочиненіе генерала Потто, томъ II, выпускъ IV.

а потому представленіе и. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска полковника Кухаренко о необходимости занятія острова, „вслѣдствіе усиливающихся прорывовъ шаекъ Шапсуговъ, начиная сначала сего года, 1853“, было вполне одобрено и князь Воронцовъ не нашелъ даже нужнымъ сообщать въ Петербургъ о разрѣшеніи своемъ на занятіе Кара-Кубанскаго острова и о перенесеніи Копыльскаго поста за Каракубань.

Горцы дорожили островомъ, очень важнымъ для нихъ пунктомъ въ нападеніяхъ и надежнымъ укрытіемъ при преслѣдованіи ихъ казаками; боясь внезапнаго появленія на островѣ русскихъ, они постоянно держали тамъ сильныя караулы, въ особенности на удобныхъ тропахъ къ Кубани; если Шапсуги и сосѣди ихъ Натухайцы хорошо знали удобныя по острову тропы, то Черноморскіе пластуны знали ихъ не хуже: они изучили ихъ въ своихъ походахъ въ секреты съ Копыльскаго поста. Полковникъ Кухаренко давно зналъ, что пластунами хорошо изученъ островъ; на знаніи то ихъ этой малодоступной мѣстности онъ и основывалъ успѣхъ въ дѣлѣ при занятіи мѣстности на островѣ; но Кухаренко также было хорошо извѣстно, что Шапсуги зорко оберегаютъ островъ и горячо будутъ его защищать, а потому для занятія его нужны были хорошія силы, а ими и. д. Атамана не располагалъ, въ то тревожное время было опасно обезсилить гарнизоны постовъ, чтобы собрать къ Копылу нужныя силы. На основаніи такихъ данныхъ, и. д. Наказнаго Атамана попросилъ командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи о сношеніи съ начальникомъ Черноморской береговой линіи, чтобы онъ оказалъ содѣйствіе къ отвлеченію силъ горцевъ во время предположеннаго занятія острова Каракубани. Вице-адмиралъ Серебряковъ отвѣчалъ, что исполнить желаніе о развлеченіи силъ горцевъ и просилъ сообщить точно время, когда двинуть отрядъ изъ Новороссійска. Кухаренко сообщилъ Серебрякову, что отрядъ соберется на Копыльскомъ посту въ ночь съ 26 на 27 марта, а 27 онъ двинется за Каракубань, при этомъ Кухаренко просилъ сдѣлать движеніе по направленію къ переправѣ Псебедахъ.

Въ ночь 26 марта на посту собрались: 4 баталіона пѣшихъ

казаковъ, 6 сотенъ конныхъ, 4 полевыхъ орудія и 4 ракетныхъ станка. Отрядъ изъ Новороссійска, въ составѣ 5 ротъ пѣхоты, 5 сотенъ Донскихъ казаковъ съ 4 орудіями, вышелъ рано утромъ 26 марта и двинулся чрезъ Неберджайское ущелье къ р. Адагуму¹⁾. Въ этотъ день отрядъ имѣлъ незначительную перестрѣлку—горцы не успѣли собраться, но къ утру 27 числа число непріятели значительно увеличилось; отрядъ тихо сталъ подаваться впередъ, открывъ огонь изъ всѣхъ четырехъ орудій; толпы горцевъ продолжали увеличиваться, но въ это время въ отрядѣ уже послышался гулъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ со стороны р. Кубани. Исполняя свое назначеніе, отрядъ, хотя медленно, но подвигался впередъ, продолжая стрѣлять изъ орудій, даже въ одиночныхъ горцевъ, показывавшихся даже на чистыхъ мѣстахъ; когда отрядъ подходилъ къ р. Адагуму, въ немъ уже ясно слышались частые орудійные выстрѣлы изъ отряда Кухаренко. Считая задачу выполненною, Новороссійскій отрядъ остановился у Адагума, по прежнему продолжая орудійный огонь. Сильный пушечный огонь за Псебедахомъ показалъ горцамъ, что русскіе, вѣроятно, уже на островѣ, который защищаютъ только пикетные. Предугадывая, что русскіе могутъ совсѣмъ занять островъ вплоть до Псебедаха, горцы тотчасъ же порѣшили оставить на мѣстѣ небольшую партію, а массѣ отправляться на Псебедахъ. Это рѣшеніе горцевъ повело къ тому, что въ Новороссійскомъ отрядѣ къ десяти часамъ перестрѣлка совсѣмъ затихла; оставшаяся партія, видя, что отрядъ остановился на мѣстѣ, тоже отправилась къ Псебедаху, оставя противъ отряда только посты по дорогамъ, вѣрнѣе по тропамъ, среди густыхъ кустарниковъ и камышей. Въ 12 часовъ дня Новороссійскій отрядъ сталъ отступать, не преслѣдуемый, а только провожаемый пикетными. За оба дня въ отрядѣ было только двое раненыхъ.

На Копыльскомъ посту Кухаренко былъ готовъ съ отрядомъ къ движенію еще до разсвѣта; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ приближенія изъ-за Кубани орудійныхъ выстрѣловъ. Съ разсвѣтомъ послышался гулъ, сдѣлавшійся къ 6 часамъ

¹⁾ Р. Баканъ въ низовьяхъ называется р. Адагумъ.

явственнымъ и сильнымъ, — это время и выбрано было для наступленія. Пластуны, вооруженные нарѣзными дальнобойными Люттихскими $7\frac{1}{2}$ линейными штуцерами, залегли у переправы и не позволяли горскимъ пикетнымъ приближаться; переправа была совершена быстро. Каракубанскій островъ въ восточной части былъ болѣе сухъ, чѣмъ въ западной, которую, при подъемѣ воды въ Каракубани, заливали нѣсколько ея рукавовъ съ южной стороны; отъ него большая часть острова была сплошное болото, густо заросшее кустами и камышами. Полковникъ рѣшилъ занять на первый разъ эту, болѣе удобную, восточную часть до переправы Псебедахъ. Приходилось занять версты три шириною и на этомъ пространствѣ покрѣпить удобные проходы. Занявши цѣпями нужное пространство впереди, Кухаренко, по указанію пластуновъ, началъ выбирать мѣста для возведенія небольшихъ временныхъ укрѣпленій, величаемыхъ Черноморцами „батареями“. Судя по перестрѣлкѣ въ цѣпяхъ, можно было опредѣлить, что горцы еще не успѣли собраться въ большую партію, а потому Кухаренко всѣ свободныя силы разставилъ на избранныхъ мѣстахъ для возведенія кое-какихъ укрѣпленій, ожидая съ часу на часъ нападенія изъ-за Кубани; на работу были взяты и конные казаки; они затѣмъ и были взяты, чтобы увеличить число рабочихъ рукъ; изъ орудій запрещено было стрѣлять до особаго приказанія, чтобы не оповѣщать за Кубань о прибытіи отряда на островъ, но уже черезъ часъ, вслѣдствіе увеличивавшагося огня горцевъ въ цѣпяхъ, Кухаренко приказалъ обстрѣливать изъ орудій заросли, откуда болѣе всего раздавалось выстрѣловъ непріятеля. Кухаренко, не отдыхая, носился отъ одной работы къ другой, слѣдя за ходомъ ихъ, а казаки, въ виду предстоящаго дѣла, усердно работали, зная по долговременному опыту, что изъ этихъ заваловъ имъ удобнѣе и безопаснѣе можно будетъ встрѣтить ожидаемаго врага.

Для обезпеченія своего праваго фланга съ западной стороны острова, гдѣ среди сплошныхъ болотъ кое-гдѣ были проходимыя мѣста, Кухаренко направилъ постояннаго и надежнаго своего сподвижника, съ двумя пѣшими ротами и одною спѣшенною сотнею казаковъ, полковника Крыжановскаго, придавъ ему и одно орудіе. Крыжановскій, занявъ позицію, тот-

часъ же приступилъ къ устройству засѣки и очисткѣ около нея зарослей. Перестрѣлка въ южной части острова все болѣе и болѣе разгоралась. Крыжановскій, по заложени засѣки, спѣшилъ возможно далѣе очистить около нея заросли; едва было очищено шаговъ на 100, какъ бывшіе въ секретѣ пластуны дали знать о приближеніи непріятеля. Крыжановскій, созвавъ свои силы въ засѣку, рѣшилъ подпустить къ ней горцевъ поближе и открыть огонь, когда ихъ побольше соберется; орудіе же, уже заряженное картечью было отъ глазъ непріятеля прикрито мелкимъ хворостомъ. Горцы скоро появились; казаки въ засѣкѣ притаились; только пластуны, всего человѣкъ 11, отстрѣливались изъ своихъ штуцеровъ; шумъ въ заросляхъ сталъ увеличиваться и толпа горцевъ, человѣкъ до двухсотъ, показалась въ опушкѣ кустовъ и открыла бѣглый огонь по сидѣвшимъ въ засѣкѣ; въ отвѣтъ изъ засѣки полетѣла картечь и два залпа пѣшихъ казаковъ; такой страшный огонь ошеломилъ горцевъ; они рассыпались по зарослямъ и, боясь приблизиться, повели снова горячую перестрѣлку; такъ продолжалось около часу, а потомъ толпы горцевъ сразу значительно увеличились и они стали то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ выбѣгать, стараясь забраться въ тылъ, но выгода въ расположеніи сражавшихся была на сторонѣ казаковъ; они лежали за плотно прибитымъ хворостомъ, пули горцевъ частью попадали въ хворостъ и тамъ вязли, а то летѣли чрезъ головы, а непріятель при своихъ движеніяхъ былъ весь на виду и подвергался не только ружейному, но и пушечному огню.

Полковникъ Кухаренко, слыша сильную перестрѣлку у Крыжановскаго, послалъ туда двѣ сотни; какъ только эти сотни показались за засѣкою, горцы прекратили свои вылазки изъ зарослей; пошла безвредная перестрѣлка издали, совершенно прекратившаяся часовъ около четырехъ вечера, когда колонна Крыжановскаго отступала къ главнымъ силамъ. Полковникомъ Кухаренко „батарейки“ были заложены въ десяти мѣстахъ; къ 12 часамъ дня онѣ настолько были готовы, что могли уже служить надежнымъ укрытіемъ для гарнизоновъ въ нихъ; до этого времени, и даже позднѣе, хотя горцы вели съ цѣпями усиленную перестрѣлку, но можно было судить, что ихъ еще не особенно много, но къ двумъ часамъ дня огонь

горцевъ сталъ распространяться по всей линіи занятой Кухаренко; работы тотчасъ были прекращены, цѣпи отведены назадъ, при поддержкѣ ихъ огня артиллерією, и возведенныя укрѣпленія были надежно заняты.

Толпы горцевъ, показавшіяся въ опушкахъ зарослей, перешли въ наступленіе и смѣло стали кидаться на тѣ батареи, которыя были недалеко отъ зарослей; въ два часа дня пошелъ бой по всей линіи, но нигдѣ горцы не имѣли успѣха; только къ пяти часамъ вечера непріятель, понеся потери при своихъ нападеніяхъ, сталъ отходить за Кубань.

Ночь прошла спокойно. 28 марта отрядъ занялся очисткою мѣстности отъ зарослей въ тылу батареекъ и полковникъ Кухаренко заложилъ тамъ два редута, въ которые и перешла большая часть гарнизона Копыльскаго поста, который окончательно тогда не былъ упраздненъ, а гарнизонъ его служилъ резервомъ для новыхъ редутовъ, еще не имѣвшихъ даже сносныхъ помѣщеній для гарнизоновъ¹⁾.

Въ реляціи, донесеніи своемъ о занятіи важнаго стратегическаго пункта для Черноморцевъ—Кара-Кубанскаго острова, и. д. Наказнаго Атамана „счелъ долгомъ поименовать особливо отличившихся въ дѣлѣ 27 марта—полковника Крыжановскаго, есауловъ: Зиньковскаго, Пиденко, Гриву, Герко и Садилу, сотника Скляревскаго и хорунжихъ: Помозана и Волкодава“ въ неоднократныхъ отбитыхъ нападеніяхъ горцевъ при возведеніи укрѣпленій на островѣ²⁾.

Помѣщеніе въ реляціяхъ особенно отличившихся неминуемо влекло къ полученію незаурядной награды, не смотря на ухищренія штабныхъ, лицъ преимущественно „не нюхавшихъ пороху“, но позволявшихъ себѣ критически относиться къ представленіямъ военныхъ начальниковъ къ наградамъ ихъ подчиненныхъ.

Не буду говорить уже о мелкихъ чинахъ, приведу пространенный тогда въ обществѣ разсказъ, какъ относился къ представленіямъ о наградахъ „за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля“ и самъ командовавшій войсками на Кавказѣ

¹⁾ Редуты это получили названіе „Новокопыльскій постъ“.

²⁾ Потеря въ отрядѣ состояла изъ 11 раненыхъ казаковъ, убитыхъ не было.

ской линіи и Черноморіи генераль отъ кавалеріи Завадовскій, Черноморець родомъ. При наградныхъ листахъ отъ частей войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ, прилагался „списокъ представляемыхъ по достоинству“; въ списки эти представляемые къ наградамъ вносились по старшинству чиновъ, а №№ имъ въ особой графѣ ставились рукою начальника части, по достоинству; списки эти служили на тотъ случай, что еслибы пришлось уменьшать число представляемыхъ, то изъ него, по справедливости, исключались большіе №№. А Завадовскій, по общему отзыву, не особенно стѣснялся съ справедливостью: когда ему докладывали представленія, онъ бралъ „списки по достоинству“, и зажмуривъ глаза, водилъ по списку пальцемъ, приговаривая: „везе, не везе“. На комъ палецъ останавливался при „не везе“, того онъ вычеркивалъ изъ представленія, но „фазановъ“ онъ обходилъ своею причудою, они у него всегда „везе“; фазанами назывались пріѣзжавшіе въ отряды „за отличіемъ“; лица эти принадлежали къ штабнымъ крупныхъ начальниковъ, или къ тѣмъ изъ сыновъ Марса, которые имѣли вліятельныхъ бабушекъ и тетушекъ¹⁾. Отличіе ихъ состояло обыкновенно въ томъ, что пріѣзжавшіе за отличіемъ, пробывъ съ недѣлку въ отрядѣ, хорошо ѣли у начальниковъ отрядовъ, еще лучше пили и, для очищенія совѣсти, присутствовали издали при ежедневныхъ перестрѣлкахъ, разѣзжая на казачьей лошади изъ конвоя начальника отряда; такія лица обязательно попадали въ наградные листы; они то потомъ и являлись судьями о наградахъ строевымъ офицерамъ. Воспоминаніе о пережитомъ увлекло меня; возвращаюсь къ постепенному по мѣсяцамъ описанію событій 1853 г.

Начало апрѣля прошло на обѣихъ линіяхъ довольно спокойно, — вѣроятно горцы были заняты полевыми работами яровыхъ хлѣбовъ. Бжедуги, какъ выше сказано, держались спокойно; сдѣлаться окончательно мирными, оставаясь на тѣхъ же мѣстахъ за Кубанью, — между Абадзехами съ востока и

¹⁾ Названіе „фазанъ“ не правильно, — фазаны птица осѣдлая, а пріѣзжавшихъ, за отличіемъ осенью и весною, когда начинались и продолжались до лѣта походы, правильнѣе было бы назвать вальдшнепами, но строевые офицеры называли ихъ фазанами потому, что вслѣдствіе всевозможныхъ неудобствъ въ осеннихъ и зимнихъ походахъ, благодаря до-роговизнѣ, ходили въ потертыхъ сюртукахъ, а то и въ полушубкѣ, а пріѣзжавшіе были одѣты съ иголочки, съ бѣлыми кантами на одеждѣ, съ серебрянными эксельбантами и съ завитыми усами.

Шапсугами съ запада, было опасно, — признаніе надъ собою нашей власти повело бы къ ограбленію ихъ воинственными сосѣдями; вотъ почему Бжедугамъ приходилось играть двойную роль: молодежь ихъ не рѣдко участвовала въ партіяхъ, собиравшихся у сосѣдей, а и. д. Атамана имѣлъ лучшихъ ладутчиковъ изъ Бжедуговъ и чрезъ нихъ зналъ вліятельныхъ лицъ среди этого племени и отъ этихъ лицъ иногда получалъ важныя свѣдѣнія о затѣяхъ среди непокорныхъ горцевъ. Абадзехи и Шапсуги подозрѣвали Бжедуговъ въ двуличіи и не любили ихъ.

Магометъ-Эминъ, подъ вліяніемъ навѣтовъ изъ Турціи, задумывалъ лѣтомъ большія операціи противъ насъ, хотѣлъ услужить Турціи и повыше поставить себя въ глазахъ ея; его муртазаки¹⁾ уже разъѣзжали по горскимъ обществамъ, подбивая ихъ энергичнѣе дѣйствовать, и внушая, что только единодушныя дѣйствія всѣхъ племенъ спасутъ отъ постепеннаго наступленія на нихъ русскихъ. Власть Магометъ-Эмина надъ Абадзехами была ограниченная совѣтомъ старшинъ, а Шапсуги и Натухайцы, случалось, что и совсѣмъ не признавали ее; Магометъ-Эмину нужно было очень осторожно вести себя въ отношеніи этихъ двухъ племенъ, чтобы не потерять и слабаго своего вліянія на нихъ, а его планы могли осуществиться только при единодушныхъ дѣйствіяхъ всѣхъ племенъ. О поведеніи Бжедуговъ Магометъ-Эминъ зналъ, и зналъ о нерасположеніи къ нимъ ихъ сосѣдей; свѣдѣнія, получаемыя отъ муртазаковъ, показывали, что онъ можетъ надѣяться на хорошую поддержку въ своихъ затѣяхъ со стороны Шапсуговъ и Натухайцевъ. Дабы показать горцамъ, что за двоедушное поведеніе въ такомъ важномъ для всѣхъ дѣлѣ, какъ защита родной земли, должно слѣдовать наказаніе, рѣшилъ напасть на Бжедуговъ и хорошенько пограбить ихъ. Затѣю эту какъ Абадзехи, такъ и Шапсуги вполнѣ раздѣлили. На совѣщаніи приняли во вниманіе, что русскіе, узнавъ о нападеніи, навѣрное помогутъ Бжедугамъ не только изъ „города“, такъ горцы называли Екатеринодаръ, но и изъ Суджукъ-кале, Новоросійска, пойдтъ войска, чтобы отвлекать силы напавшихъ; вотъ

¹⁾ Почетная стража изъ вполнѣ преданныхъ людей и фанатиковъ; — муртазаки подобіе юридамъ Шамиля.

почему на этомъ совѣщаніи порѣшили, чтобы партія изъ Шапсуговъ и Натухайцевъ въ условленное время приняла бы мѣры къ задержанію отряда изъ Новороссійска, а Магометъ-Эминъ, предполагая собрать большую партію, принялъ на себя движеніе за Псекупсъ и выставку заслона противъ отряда изъ „города“, да и часть Шапсуговъ должна была помогать при появленіи отряда на выручку Бжедуговъ. Заговоръ вели такъ секретно, что Бжедуги и не подозрѣвали грозящей имъ опасности.

Хотя о намѣреніи Магометъ-Эмина, было неизвѣстно какъ и. д. Атамана, такъ и начальнику 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи генераль-маіору Дебу, но было извѣстно, что въ горахъ что-то затѣвается, а потому въ обѣихъ линіяхъ предпринимались мѣры предосторожности.

Чтобы отвлечь вниманіе русскихъ со стороны Кубани, Шапсуги, по совѣту Магометъ-Эмина, должны были почаще беспокоить береговую линію; горской молодежи это было на руку, она стала скоро собираться и къ 29 апрѣля въ Неберджайскомъ ущельѣ ее много собралось изъ Шапсуговъ и Натухайцевъ; въ партіи было 4 значка, слѣдовательно она была не менѣе 400 человекъ. Партія задумала отбить въ Новороссійскѣ скоть.

Вслѣдствіе тревожныхъ свѣдѣній изъ горъ, въ Новороссійскѣ были осторожны, — жители не отходили далеко, а скоть пасли вблизи подъ выстрѣлами съ батарей; его не выгоняли рано и задолго до сумерекъ угоняли назадъ. Дозорные изъ партіи сообщили, что трудно отбить скоть, — слишкомъ близко онъ къ укрѣпленію, а тамъ есть казаки. Боясь попасть подъ артиллерійскій огонь, вожаки партіи рѣшились броситься на скоть, а молодежи хотѣлось подраться и вотъ партія безъ всякаго смысла показалась на хребтѣ Марткотхъ, облегающемъ Новороссійскъ съ сѣвера; зная, что ее тамъ не оставятъ въ покоѣ, партія заняла позицію на подъемѣ дороги на хребетъ и принялась загоразивать ее чѣмъ попало.

Изъ Новороссійска какъ партія, такъ и ея работа были хорошо видны. Генераль Дебу приказалъ ударить тревогу; войска быстро собрались. Дебу назначилъ для наступленія на Марткотхъ 2¹/₂ баталіона пѣхоты, 6 полевыхъ орудій и 2 сот-

ни Донскихъ казаковъ; постоянныя тревоги на береговой линіи вызвали усиленіе тамъ войскъ; по ходатайству начальника двѣ роты Балаклавскаго греческаго баталіона; роты эти, въ числѣ прочихъ войскъ, и были назначены для атаки Марткотха. Рядовые греки служили посмѣшищимъ для нашихъ солдатъ, въ особенности для бойкихъ Черноморскихъ матросовъ; они, при встрѣчѣ съ греками, вмѣсто привѣтствія, вытягивали руку и растопыривъ пальцы, кричали: „пенде“, „пиндось!“

По просьбѣ, по словамъ старожилловъ, капитана греческой роты Стамати, Дебу послалъ въ авангардъ и роту Балаклавцевъ, но предъ атакою сильно обстрѣлялъ позицію горцевъ артиллерійскимъ огнемъ; подъ дѣйствіемъ этого огня „пиндосы“ пошли въ атаку на заваль и, къ общему удивленію, смѣло и бойко. Горцы, растроенные артиллерійскимъ огнемъ, не выдержали атаки трехъ ротъ и бѣжали внизъ въ ущелье; артиллерія поспѣшила на переваль и успѣла на прощанье съ горцами послать имъ въ догонку нѣсколько гранатъ. Изъ горъ по прежнему получались тревожные слухи; нужно было въ укрѣп. Абинское отправлять боевые припасы; опасаясь за такой важный транспортъ, и. д. Наказнаго Атамана Черноморскаго казачьяго войска назначилъ, 16 мая, сильную колонну въ прикрытіе этого транспорта; въ составъ колонны, подъ командою полковника Бабыча, вошли: 6 баталіоновъ пѣшихъ и 4 сотни конныхъ казаковъ, при 14 пѣшихъ орудіяхъ и 2 ракетныхъ станкахъ.

Идя въ Абинское, колонна соблюдала всѣ предосторожности и, хотя кое-гдѣ горцы, пользуясь зарослями, заводили перестрѣлку, но слабую; замѣтно было, что горцы не въ сборѣ, а перестрѣлки заводятъ только дозорные и жители ближайшихъ къ дорогѣ поселеній.

На обратномъ пути, 20-го числа, повозки изъ подъ боевыхъ запасовъ и продовольственныхъ были нагружены лѣсомъ, заготовленнымъ въ Абинскомъ; обозъ двигался тихо; день былъ довольно жаркій, душный, горцы не показывались и люди въ цѣпяхъ, утомленные жарою, шли вяло, не зорко наблюдая за окрестностями; при переправѣ чрезъ р. Хабль на лѣвую цѣпь мгновенно бросилась партія, болѣе 200 человекъ, прорвала

цѣпь и подбѣжала къ фурамъ; резервы цѣпи бросились на горцевъ, тѣ отбѣжали, и усиленные прибывшими, бросились снова, но Бабычъ уже несся изъ аріергарда съ двумя сотнями; партія, атакованная съ фронта пѣшими, а съ лѣваго фланга конными казаками, быстро стала отбѣгать въ заросли, но Бабычъ часть ея успѣлъ отрѣзать и произошла мгновенная схватка, 30 тѣлъ непріятели остались на мѣстѣ: на мѣстѣ атаки Бабыча 20 и при атакѣ цѣпи 10; въ этотъ моментъ артиллерія успѣла захватить и обдала гущу кустовъ, куда отбѣжали горцы, разными снарядами и участила огонь; понесся сильную потерю, горцы скрылись въ лѣсу. Съ нашей стороны было 12 раненыхъ казаковъ, убитыхъ было 2. Наказаніе Бжедуговъ было отложено на время. Магометъ-Эминъ, по открытіи сообщенія съ южнымъ склономъ горъ, счелъ необходимымъ побывать у Убуховъ и просить ихъ поэнергичнѣе открыть наступательныя дѣйствія по береговой линіи, дабы оттуда, русскіе, какъ подвергающіеся нападеніямъ, не могли бы оказывать содѣйствія войскамъ на той сторонѣ горъ. Вліятельныя лица среди Убуховъ изъ фамиліи Берзекъ и старшины¹⁾ вполне согласились съ Магометъ-Эминомъ, тѣмъ болѣе, что эмисары изъ Турціи, еще съ ранней весны, отъ имени султана подбивали Убуховъ почаще нападать на наши береговыя укрѣпленія.

Въ половинѣ мая Магометъ-Эминъ вернулся на р. Пшеху и немедленно приступилъ къ сбору силъ для нападенія на Бжедуговъ; партія, напавшая 20 числа на колонну Бабыча, изъ Шапсуговъ и Натухайцевъ, была въ сборѣ для поддержки предпріятія Магометъ-Эмина при движеніи русскихъ на защиту Бжедуговъ.

22 мая Бжедуги узнали, что Магометъ-Эминъ секретно пріѣхалъ въ ауль Вочепши на правомъ берегу р. Псекупса, и, что на р. Пшишъ собирается большая партія. Пріѣздъ предводителя Абадзеховъ на границу Бжедуговъ сильно обезпокоилъ ихъ; они знали нерасположеніе къ себѣ Магометъ-Эмина, а полученное, вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ, второе,

¹⁾ Между Убухскими старшинами особенно выдѣлялись вліяніемъ въ народѣ и предпримчивостью хаджи Керендукъ Догомуковъ, Эльбуза Хапапхъ и Измаиль Баракай-Зефшъ.

что имъ слѣдуетъ ожидать нападенія, побудило ихъ немедленно просить у начальства „въ городѣ“ помощи и защиты. По ауламъ начался выгонъ скота въ чащи лѣсовъ, мужчины приготавливались къ защитѣ, а женщины собирали на арбы цѣнное имущество, чтобы при опасности скрыться въ укромныхъ мѣстахъ; въ городѣ поѣхало нѣсколько старшинъ и почетныхъ лицъ, которыя, хотя заочно, но были извѣстны русскому начальству; къ сторонѣ р. Псекупса были высланы сильные пикеты.

Посланцы явились прямо къ и. д. Атамана. Придавая большое значеніе обращенію къ нему полумирныхъ горцевъ, полковникъ Кухаренко, не принадлежавшій къ военнымъ кунктаторамъ, не смотря на грозное извѣстіе и неимѣніе подъ рукою должнаго числа войскъ, въ виду появленія Магометъ-Эмина съ большою партіею вблизи р. Кубани, рѣшилъ, для поддержанія въ горахъ престижа русской власти, двинуться на встрѣчу врагу. Къ ночи собрались всѣ войска назначенныя въ походъ, часть ихъ пришла съ ближайшихъ кордоновъ; всего было готово къ выступленію: 7 баталіоновъ пѣшихъ и 8 сотень конныхъ казаковъ при 10 пѣшихъ легкихъ орудіяхъ и 2 конныхъ.

Изъ распросовъ проводниковъ Бжедуговъ о дорогѣ къ ур. Кесхаукъ, гдѣ вблизи былъ аулъ Вочепши, и свойствъ той мѣстности, полковникъ Кухаренко пришелъ къ заключенію, что представляется возможность развлечь силы непріятели, чѣмъ обезпечивалось отступленіе изъ-за р. Псекупса по лѣсистой мѣстности между этою рѣкою и р. Дысшъ; изъ показаній посланцевъ и еще прибывшихъ въ городъ Бжедуговъ съ извѣстіемъ о сборѣ партіи къ аулу Вочепши и о томъ, что къ ней пристаютъ жители низовій между Псекупсомъ и Пшишемъ, Кухаренко нашелъ, что направленіе особой колонны въ эти низовья прекрасно подходитъ къ его замыслу;—полоса осталась беззащитною и легко достижимаю вслѣдствіе нахождения тамъ большихъ полянъ, и мѣстность эта не далеко отъ Вочепши, верстахъ въ пяти, слѣдовательно обѣ колонны, въ случаѣ необходимости, могутъ поддержать одна другую, двигаясь по правому берегу р. Псекупса. Полковникъ Кухаренко поэтому раздѣлилъ свои силы такъ: въ колонну, долженствующую дѣйствовать

въ низовьяхъ Псекупса, онъ отдѣлилъ 9 ротъ пѣшихъ и 2 сотни конныхъ казаковъ съ двумя конными орудіями, поручивъ эту колонну подполковнику Рашпилю, а съ прочими войсками рѣшилъ идти навстрѣчу Магометъ Эмину въ Вочепши. Оба отряда вмѣстѣ, когда смерклось, выступили изъ Екатеринодара за Кубань и пошли по дорогѣ на Псекупсъ; у слиянія р. Дзысша съ Псекупсомъ отрядъ раздѣлился на колонны; Рашпиль съ своею колонною пошелъ чрезъ р. Дзысшь лѣсомъ на р. Псекупсъ, а и. д. Наказнаго Атамана, отправляя Рашпиля, приказалъ ему не открывать безъ особой надобности артиллерійскаго огня, если не встрѣтитъ большой партіи, а когда въ верхней колоннѣ разгорится артиллерійская пальба, то чтобы онъ тогда открылъ возможно частую пальбу, не жалѣя снарядовъ и началъ бы отступленіе за Псекупсъ по той же дорогѣ, по которой наступалъ, и, перейдя Дзысшь, сталъ бы на полянѣ ожидать подхода верхней колонны.

Кухаренко продолжалъ движеніе вверхъ по Дзысшу, какъ по болѣе удобной дорогѣ; поровнявшись съ Вочепши, колонна свернула влѣво и, пройдя частью по чистому мѣсту, вошла въ лѣсъ и, сохраняя возможную тишину, подошла къ Псекупсу; по дорогѣ къ колоннѣ то-и-дѣло приставали дозорные Бжедуговъ, сообщая полковнику Кухаренко свои наблюденія, а у Псекупса къ колоннѣ присоединилось сразу нѣсколько десятковъ дозорныхъ Бжедуговъ, которые сообщили, что партія большая, часть ея въ аулѣ, а другая на востокъ отъ него въ лѣсу, верстахъ въ трехъ. Разсвѣтъ наступалъ. Полковникъ Кухаренко воспользовался тишиною въ аулѣ и всѣ шесть сотенъ казаковъ направилъ на переправу, а за ними двинулъ артиллерию, сопровождаемую пѣшими казаками. Бжедуги, ведущіе войска, отлично знали перекаты въ Псекупсѣ; переправа совершилась скоро. Въ Вочепши раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; выбѣгавшіе горцы были поражены неожиданнымъ появленіемъ казаковъ, но не на долго, — масса ихъ стала скрываться за передними саклями для встрѣчи атаки на аулъ, но Кухаренко и не думалъ вести атаку аула, находя, что она напрасно повлечетъ за собою потерю; при атакѣ онъ самъ могъ быть атакованъ съ фланга и даже съ тыла другою частью партіи, бывшей вблизи въ лѣсу за

ауломъ. Кухаренко, напротивъ, рѣшилъ заставитьъ горцевъ самихъ повести на него атаку. Осмотрѣвъ мѣстность у аула, Кухаренко, сообразно ея положенію и задуманнаго тактическаго плана, занялъ предъ ауломъ двѣ позиціи, на пушечный выстрѣлъ отъ аула, подѣливъ отрядъ пополамъ; одну колонну поручилъ полковнику Крыжановскому, а надъ другою принялъ начальство самъ. На обѣихъ позиціяхъ былъ кустарникъ; Кухаренко приказалъ рубить его и устраивать изъ него прикрытіе; горцы, ожидая атаки, дали возможность казакамъ нарубить хворосту и обложить свою позицію.

Магометъ-Эминъ былъ въ аулѣ; видя, что казаки не только не нападаютъ, а, стоя на мѣстѣ, укрѣпляются, рѣшилъ самъ напасть, надѣясь на многочисленность; между тѣмъ артиллерія отряда, по занятіи удобной для себя позиціи, открыла рѣдкій огонь по аулу гранатами. Этотъ огонь еще болѣе поспособствовалъ переходу горцевъ въ наступленіе; они поняли, что казаки, нанося имъ потерю, остаются безнаказанными.

Воодушевляемые Магометъ Эминомъ и старшинами, Абазехи, выскочивъ изъ-за саклей, съ гикомъ побѣжали на колонну Кухаренко; толпы эти были встрѣчены пушечнымъ огнемъ, а вблизи—ружейнымъ и пушечнымъ; вся горская ватага пошла назадъ въ разсыпную, таща своихъ убитыхъ и раненыхъ въ аулъ; вслѣдъ за этою атакою изъ аула опять показались горцы и въ разсыпную двинулись на Крыжановскаго, а слѣва показалась масса конныхъ, намѣреваясь напасть на эту колонну съ тыла, но въ тылу стояли наготовѣ всѣ шесть сотенъ; конныя толпы подались къ аулу, а оттуда, спѣшившись, подбѣгали къ атакующимъ Крыжановскаго. Вся партія была близко подпущена и обдана картечью и частымъ ружейнымъ огнемъ, да такимъ, что и не горцамъ, а болѣе стойкимъ онъ былъ бы страшнымъ. И эта партія отбѣжала въ разсыпную, и залегла вблизи въ складкахъ мѣстности; только нѣскольکو десятковъ джигитовъ ограничивались пальбою по лежавшимъ за хворостомъ казакамъ. Горячій бой прекратился только на время;— снова предъ ауломъ партія стала группироваться; всѣ десять орудій открыли частый огонь, но партія стала подаваться не впередъ, а къ Псекупсу, слѣдовательно на путь отступленія отряда, но въ это время съ низовой рѣки послы-

шались пушечные выстрѣлы, постепенно учащавшіеся; толпы повернули опять къ аулу, а гуль съ низовій Псекупса все становился чаще и чаще.

Изъ засѣкъ стали видѣть, что толпы начали разбиваться на кучки; прошло минутъ двадцать и казаки изъ засѣкъ увидѣли, что сначала одиночные, а потомъ и группами пѣшими и конными горцы стали уходить изъ аула внизъ по рѣкѣ; наконецъ показались толпы и со значками, направляясь тоже туда. Ясно было видно, что много непріятеля подается къ отряду Рашпиля; этою раздробленностью силъ горцевъ и воспользовался и. д. Атамана. Онъ приказалъ Крыжановскому начать отступление и скорѣе занимать, по переправѣ, опушку лѣса между Псекупсомъ и Дзышемъ.

Подъ прикрытіемъ колонны Кухаренко, Крыжановскій безъ всякой помѣхи перешелъ Псекупсъ; Кухаренко сначала переправилъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ и двухъ сотенъ свою артиллерію, а потомъ, съ незначительною перестрѣлкой, перешелъ рѣку съ остальными войсками.

При проходѣ лѣса завязалась перестрѣлка, но незначительная. Перейдя Дзышь, Кухаренко, выйдя на чистыя мѣста, отправилъ на соединеніе съ Рашпилемъ и для его поддержки три сотни, а самъ продолжалъ движеніе на условленный съ Рашпилемъ пунктъ. Къ вечеру отряды соединились;— у Кухаренко было 6 раненыхъ казаковъ, а у Рашпиля 1.

По соединеніи, отряды стали на бивуакъ. Кухаренко рѣшилъ ночевать въ ожиданіи извѣстій, что дѣлаютъ и что думаютъ предпринять горцы.—Бжедуги обѣщали подробно извѣщать его обо всемъ. Колонна Рашпиля была открыта утромъ только тогда, когда обѣ его сотни были уже за Псекупсомъ и понеслись на бывшее вблизи стадо овецъ. Перейдя рѣку, Рашпиль выставилъ на полянѣ, выше переправы, заслонъ изъ трехъ ротъ съ обѣими орудіями, а съ остальными войсками двинулся по направленію р. Пчасъ, къ виднѣвшимся хуторамъ; двигавшіяся въ авангардѣ сотни не встрѣчали у хуторовъ сопротивленія; захватывая скотъ и прочую живность, сакли поджигали; остававшіеся въ нихъ жители, не сопротивляясь, разбѣгались куда кто попалъ; казаки могли, но не брали ихъ въ плѣнъ. Опасаясь далеко заходить и слыша пушечную пальбу

у Вочепши, Рашпиль повернулъ назадъ; пройдя отъ Псекупса на юго-востокъ верстъ пять, сжегъ по этому пути нѣсколь-ко хуторовъ, въ которыхъ было захвачено казаками 120 головъ рогатаго скота и нѣсколько сотъ овецъ, пасшихся по полянамъ. Когда артиллерійскій огонь у Вочепши усилился, орудія Рашпиля, согласно его приказанія, тоже открыли огонь, а такъ какъ непріятель виднѣлся только по-одиночкѣ, то стрѣляли и въ одиночныхъ; при открытіи огня Рашпиль съ обѣими сотнями пошелъ назадъ на рысяхъ и, подѣхавъ къ орудіямъ, приказалъ учащать огонь; казакамъ пришлось это на руку, они не скупились на снаряды, „ушкваривали въ азятивъ, то на билой, то на сирой шкапахъ“. Какъ только роты подошли, Рашпиль, не прерывая пушечнаго огня, сталъ отступать за Псекупсъ; въ лѣсу между Псекупсомъ и Дзисшемъ у него завязалась перестрѣлка въ цѣпяхъ, но отрядъ скоро вышелъ на чистыя мѣста, а орудія снова участили огонь уже по показывавшимся кучкамъ горцевъ; выйдя на дорогу, Рашпиль остановился на позиціи ожидать полковника Кухаренко; къ вечеру отряды соединились.

Высшее начальство въ Тифлисѣ осталось очень доволь-но этимъ движеніемъ полковника Кухаренко, придавая ему важное политическое значеніе. Князь Воронцовъ въ приказѣ своемъ¹⁾, описывая это событіе, выразилъ особенную благодарность полковникамъ Кухаренко и Крыжановскому, подполковникамъ Рашпилю и Коржевскому; войсковымъ старшинамъ Головинскому, Волкодаву и Голубу; есауламъ Отрѣшко и Рубашевскому, и сотникамъ Бурсаку, Коржевскому и Какунько; также была княземъ изъявлена особая благодарность состоя-щему при и. д. Наказнаго Атамана генеральнаго штаба капитану Казанскому и командирамъ артиллерійскихъ дивизионовъ въ отрядѣ: капитанамъ Осипову и Невѣровскому. Нижнимъ чинамъ—„спасибо“ и 12 крестовъ знаковъ отличія военнаго ордена св. Георгія²⁾.

¹⁾ Приказъ по отдѣльному Кавказскому корпусу отъ 5 Іюня 1853 г. за № 135.

²⁾ На разсвѣтъ 24 числа, когда отрядъ Кухаренко стоялъ у р. Дзысша на бивуакѣ, къ нему прибыли нѣсколько старшинъ и почетныхъ лицъ изъ Бжедуговъ и сообщили о про-исходившемъ въ Вочепши;— послѣ двухъ неудачныхъ атакъ на позиціи казаковъ, Маго-метъ-Эминъ, по соглашенію съ старшинами Абадзеховъ, рѣшилъ оставить часть партіи въ Вочепши, а съ большею частью занять лѣсъ между Псекупсомъ и Дзисшемъ и тамъ наброситься на отрядъ съ трехъ сторонъ; всѣ раздѣлили это мнѣніе и уже стали при-

Своевременное и удачное движеніе полковника Кухаренко принесло важный результатъ, — Бжедуги вполнѣ оцѣнили его и съ этого времени они были полумирными только потому, что жили за Кубанью; даже въ трудную пору, во время Восточной войны, когда Черноморская кордонная линія была обезсилена отправленіемъ въ Крымъ нѣсколькихъ пѣшихъ баталіоновъ казаковъ, когда горцы, по снятіи укрѣпленій Черноморской береговой линіи, хорошо знали, что мы обезсилены и принуждены держаться въ оборонительномъ положеніи, Бжедуги остались къ намъ такими же расположенными, какими были тогда, когда мы располагали всѣмъ для наступательныхъ во всякое время года дѣйствій за Кубанью.

И. д. Атамана полковникъ Кухаренко, произведенный въ генераль-маіоры „за примѣрную распорядительность въ военныхъ дѣйствіяхъ по охранѣ Черноморской кордонной линіи“, продолжалъ зорко наблюдать за дѣйствіями и задумываемыми горцами предпріятіями, придерживаясь, на основаніи прежде происходившаго въ Черноморіи, правила: для уменьшенія набѣговъ горцевъ, по мѣрѣ надобности, вторгаться къ нимъ и тѣмъ заставляя ихъ болѣе заботиться о собственной безопасности, чѣмъ о набѣгахъ на линію. Дѣйствительно, прежде происходившее на линіи служило подтвержденіемъ; событія показывали, что успѣхи въ дѣлахъ Черноморцевъ и безопасность на линіи во многомъ зависѣли отъ того — каковъ былъ у нихъ атаманъ; напр. при энергичномъ атаманѣ Бурсакѣ Черноморцы неоднократно отличались въ дѣлахъ съ горцами и при движеніяхъ за Кубань съ лихвою отплачивали Шапсугамъ и Натухайцамъ за ихъ набѣги; при Бурсакѣ горцы, послѣ его движеній за Кубань, дѣлались на долго спокойными и очень осторожными, а при атаманѣ Матвѣевѣ, назначенномъ въ 1817 году, горцы, не безпокоимые съ линіи, возобновили свои набѣги и, не преслѣдуемые за это, стали дерзко, смѣло нападать; казаки были недовольны вялостью Матвѣева и это недовольство дошло до того, что они начали, не стѣсняясь, говорить: „Матюха развишавъ оба уха“.

Водить въ исполненіе, но пальба изъ пушекъ около Пчаса все измѣнила. — жители оттуда и рр. Марте и Пшиша стали просить объ отпускѣ для защиты своихъ поселеній; Магометъ-Эминъ не соглашался, но просьба народа была поддержана старшинами и Магометъ-Эминъ уступилъ и разсерженный уѣхалъ на „Горячія воды“, куда за нимъ поѣхали старшины, а большая часть партіи разошлась по домамъ. Это извѣстіе порѣшило вопросъ объ отступленіи домой; съ разсвѣтомъ Кухаренко началъ отступление.

Вотъ на основаніи этихъ то данныхъ генераль Кухаренко и велъ дѣло по защитѣ своей родной земли—Черноморья.

Чтобы Шапсуги не помѣшали полевымъ работамъ на линіи въ прикубанскихъ станицахъ и „не палыли бы сина у поли“ и. д. Атамана рѣшилъ самъ безпокоить горцевъ, а тутъ кстати пришло сообщеніе ему отъ начальника отдѣленія Черноморской береговой линіи генераль-маіора Вагнера о сборѣ Убуховъ въ партіи; опасаясь, какъ бы къ Убухамъ не подошли подкрѣпленія съ сѣверной стороны горъ и не помѣшали бы войскамъ заниматься покосами, Вагнеръ просилъ о вторженіи казаковъ за Кубань, чтобы распространить тамъ тревогу.

Налеты казаковъ за Кубань входили въ военный планъ Кухаренко; онъ рѣшилъ сразу побезпокоить какъ Шапсуговъ, такъ и Натухайцевъ, направивъ ударъ на границу ихъ р. Агагумъ. Для цѣли былъ избранъ аулъ Сохокъ, расположенный на правомъ берегу Адагума за р. Пшець, или Пшецизь, предъ лѣсомъ, чрезъ который шла дорога къ полянамъ по правому берегу Адагума; аулъ этотъ какъ бы замыкалъ доступъ съ сѣвера на эти поляны.

Сдѣлано было секретное распоряженіе о сборѣ казаковъ по ночамъ къ Новокопыльскому посту на Каракубанскомъ островѣ; тамъ образовался отдѣльный отрядъ изъ семи ротъ пѣшихъ и четырехъ сотенъ конныхъ казаковъ при четырехъ легкихъ орудіяхъ; отрядъ былъ порученъ полковнику Бабычу. Успѣхъ отряда зависѣлъ отъ скрытности движенія; Бабычъ принялъ для этого всѣ мѣры. Къ Сохоку, по словамъ проводниковъ, вело двѣ дороги; одна прямая чрезъ грязныя, покрытыя камышемъ и кустами мѣста, это была ближняя верстъ 18; а другая отъ р. Пшеца поворачивала на западъ и выходила къ Кубани къ первой дорогѣ у самаго берега рѣки, но была болѣе открытою отъ зарослей и верстъ на пять длиннѣе первой; Бабычъ, надѣясь на скрытность движенія по зарослямъ и принявъ во вниманіе, что лошади у казаковъ и въ артиллеріи свѣжіе и, надѣясь на выносливость казаковъ, рѣшился ид-

рѣшились спастись въ камышахъ на топкой мѣстности „калаусъ“, но въ попыткахъ не попали на проѣздъ, а въ топкія мѣста; лошади стали увязать; задніе, тѣснимые казаками, давили переднихъ; завязшую въ болотѣ толпу казаки истребляли. Многимъ тамъ поживились казаки; даже теперь тамъ иногда находятъ остатки оружія и снаряженія горцевъ.

ти къ Сохоку по первой дорогѣ, а отступить по второй, какъ сухой и болѣе удобной для отступленія при сборѣ горцевъ. Упомянутыя войска собрались на посту къ 24 іюня; въ эту ночь Бабычъ тихо переправился за Кубань и двинулся къ р. Пшецу, къ мосту чрезъ нее вблизи аула Сохокъ; къ мосту подошли еще до разсвѣта, но мостъ оказался разобраннымъ, рѣка топкою, пришлось устраивать переправу. Въ шагахъ 300 отъ бывшаго моста виднѣлся лѣсокъ; Бабычъ отправилъ въ него двѣ роты набирать матеріаль для гати топкихъ мѣстъ рѣки; роты захватили въ лѣскѣ все, что впопыхахъ попадалось подъ руку; кое-какъ сдѣлали гать и отрядъ перешелъ Пшець. Отъ рѣки передъ ауломъ были кусты, аулъ былъ на полянѣ, а за нею чернѣлъ лѣсъ по Адагуму.

Полная тишина въ аулѣ показывала, что горцы даже не подозрѣваютъ опасности; благодаря южному вѣтерку и собаки не слышали незванныхъ гостей. Бабычъ воспользовался такими благопріятными обстоятельствами и рѣшилъ захватить этотъ небольшой аулъ цѣликомъ; въ концѣ кустовъ, передъ ауломъ, онъ отдѣлилъ три роты и двѣ сотни казаковъ, приказавъ имъ какъ можно скорѣе, но соблюдая тишину, обойти аулъ съ запада и отрѣзать его отъ лѣса, а съ остальными войсками развернулся предъ ауломъ такъ, что бѣгство изъ него вездѣ можно было отрѣзать.

Обходная колонна была обнаружена неистовымъ лаемъ собакъ; терять время было опасно и обѣ сотни понеслись на рысяхъ къ южной сторонѣ аула, преслѣдуемая стаею собакъ; роты бѣжали за сотнями. Визгъ, гамъ, бѣготня раздались въ аулѣ, а вслѣдъ затѣмъ оттуда раздались выстрѣлы по пѣшимъ казакамъ; женщины съ дѣтьми бросились къ лѣсу, но, встрѣтивъ развернувшіяся сотни, кинулись къ Адагуму, но тамъ была цѣпь казаковъ; десятокъ-другой горцевъ бросались съ отчаяніемъ на казаковъ, но получили отпоръ; все население аула скрылось въ немъ, а оттуда изъ крайнихъ саклей былъ открытъ огонь по цѣпи казаковъ.

Такое положеніе продолжалось недолго — полный разсвѣтъ открылъ Шапсуговъ и ихъ безвыходное положеніе.

Бабычу времени нельзя было упускать, онъ могъ быть атакованнымъ большими силами не только Шапсуговъ, но и

Натухайцевъ; чтобы порѣшить скорѣе все, онъ приказалъ своему переводчику выѣхать впередъ и предложить жителямъ аула сдачу.

Переводчикъ, тихо подаваясь и махая папахою, во весь голосъ вызывалъ для переговоровъ жителей; тѣ услышали и нѣсколько человѣкъ вышло изъ саклей. Переводчикъ, указывая на орудія, внушительно направленные на аулъ, и на оцѣпленіе его войсками, предложилъ имъ сдаться, доказывая, что сдачею спасутъ себя, семьи и имущество, а русскіе не пошлютъ ихъ въ Сибирь и никогда не будутъ брать въ солдаты¹⁾. Жители попросили время на совѣщаніе; переводчикъ отъ имени начальника предупредилъ ихъ, чтобы скорѣе оканчивали совѣтъ, а то орудія начнутъ пальбу по аулу. Переводчикъ отъѣхалъ на дальній ружейный выстрѣлъ и сталъ ждать отвѣта, жители не медлили, — нѣсколько человѣкъ пожилыхъ вышли изъ аула, подзывая переводчика; тотъ приблизился. Шапсуги изъявляли согласіе на сдачу, но чтобы имъ была обѣщана полная безопасность, охрана имущества и полное обезпеченіе ихъ женъ и дѣтей отъ всякихъ оскорбленій.

Бабычъ далъ слово, но чтобы скорѣе выходили. Горцы поспѣшили въ аулъ, и съ позиціи войскъ скоро замѣтили, что жители аула дѣйствительно спѣшатъ выѣзжать изъ него съ своимъ скуднымъ имуществомъ; когда арбы, пѣшіе и конные подѣхали къ позиціи, Бабычъ приказалъ горцамъ снимать оружіе; угрюмые, но послушные, Шапсуги, окруженные двумя ротами, сдавали оружіе; женщины, какъ сидѣвшія на арбахъ, такъ и шедшія за ними, выли и причитали, но мужчины старались прекращать эти возгласы. Всѣхъ плѣнныхъ оказалось 146 душъ.

Артиллерія, арбы и плѣнные, подъ прикрытіемъ трехъ ротъ и двухъ сотень, тотчасъ же были направлены на р. Пшець, а остальная войска стали стягиваться въ общую колонну, поджегши Сохокъ.

¹⁾ Враги русскихъ постоянно внушали всѣмъ горцамъ Кавказа, что съ покореніемъ ихъ русскіе начнутъ ихъ брать въ солдаты и заставятъ работать дороги, строить крѣпости и т. п., кормить будутъ свинымъ саломъ; горцы безусловно вѣрили сказкѣ, а эта вѣра и побудила ихъ отказаться отъ предложенія Государя въ 1861 году. Въ октябрѣ, именно 18 числа, въ Бозѣ почивающей Императоръ Александръ II прибылъ въ Верхне-Абаузехскій отрядъ, стоявшій въ верховьи р. Фюнтеръ, въ уроч. Манрюкъ-Огой, вблизи ст. Царской. 10 числа въ отрядъ прибыли старшины непокорныхъ горскихъ обществъ.

Ко времени отступленія отряда горцы уже собрались изъ ближайшихъ поселеній и заняли лѣсъ за ауломъ и на Пшецѣ. Едва головныя части, прикрывавшія артиллерію и обозъ съ плѣнными, перешли гать, какъ изъ лѣсу, откуда утромъ брали матеріаль для гати, раздался залпъ; закипѣла перестрѣлка. Прискакавшій на выстрѣлы Бабычъ, видя, что дорога по избранному пути отступленія проходитъ на близкомъ разстояніи отъ занятаго горцами лѣса, невольно вынужденъ былъ открыть свое присутствіе Шапсугамъ и далеко живущимъ отъ Сохока; — онъ приказалъ переѣзжавшей гать артиллеріи выѣзжать на позицію противъ лѣса и посильнѣе обстрѣливать ее; благодаря назначеннымъ къ арбамъ рабочимъ, обозъ былъ переправленъ скоро и безъ поломокъ.

Всѣ четыре орудія, подъ прикрытіемъ арьергарда, открыли огонь по лѣсу; гранаты и ядра заставили находившихся въ лѣсу прятаться отъ нихъ; перестрѣлка ослабѣла, но не надолго; орудійные выстрѣлы вблизи Адагума подняли на ноги тамошнее населеніе, спѣшившее на Пшецъ, но и Бабычъ спѣшилъ пройти поскорѣе густые заросли изъ кустовъ и камыша, гдѣ непріятель, зная тропинки, могъ засѣдать. Артиллерія взяла орудіе на отвозы и для выстрѣловъ только поворачивала ихъ.

Преслѣдованіе отряда продолжалось верстъ на шесть отъ Пшеца и остановилось тамъ, гдѣ отъ дороги пошли небольшіе заросли изъ камыша, гдѣ преслѣдующіе подвергались огню уже по прицѣлу, а не наугадъ.

Къ вечеру отрядъ былъ у Кубани, а ночью переправился. Казаки потеряли 1 убитымъ и 7 ранеными.

На Новокопильскомъ посту казаки пріютили горцевъ, даже принесли имъ хворосту и камыша для приготовленія пищи изъ куръ и барановъ, у кого они были, а бѣднымъ давали, что могли изъ своихъ скудныхъ запасовъ.

имъ Его Величествомъ, въ присутствіи генераловъ: И. д. главнокомандующаго кн. Орбеліани, графа Евдокимова и свиты: графа Адлерберга, кн. Долгорукова, графа Ланберта, полковниковъ Рылѣва, лейбъ-медика Енехина, было объявлено, чтобы всѣ горцы высеялись на плоскость, а если не хотятъ, то могутъ переселиться въ Турцію; на размысленіе данъ былъ мѣсячный срокъ. Горцы ни за что не соглашались; одна изъ главныхъ причина отказа: боязнь быть солдатами.

IV.

Крѣпость Анапа: военныя дѣйствія вблизи ея. Общее наступательное движеніе горцевъ противъ нашихъ линій; походъ Магометъ-Эмина въ Карачай; нападеніе Убуховъ и Шапсуговъ на укрѣп. Тенгинское; штурмъ Натухайцами и Шапсугами укр. Гостагаевскаго, геройская защита его гарнизона.

На всей Черноморской береговой линіи Анапа была самымъ сильнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ не только въ фортификаціонномъ отношеніи, но и по силѣ гарнизона и вооруженію; на батареяхъ ея было болѣе ста крѣпостныхъ орудій и, кромѣ того, двѣ роты подвижной крѣпостной артиллеріи; въ гарнизонѣ ея было всегда не менѣе 4 Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, а нерѣдко и болѣе; въ ней стоялъ и регулярный Анапскій горскій полуэскадронъ, сформированный изъ Кабардинцевъ и мирныхъ горцевъ; но это еще не все: въ 2¹/₂ верстахъ отъ крѣпости въ описываемое время въ Алексѣевскомъ редутѣ стояли двѣ роты изъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ и конная батарея Черноморскаго казачьяго войска, а въ 5 верстахъ въ станицѣ Николаевской, нынѣ Анапская—баталіонъ пѣхоты и дивизионъ легкихъ орудій подвижной крѣпостной артиллеріи, а въ 12 верстахъ въ сел. Витязевомъ—Донской конный № 29 полкъ.

По силѣ своихъ укрѣпленій Анапа была недоступнымъ пунктомъ для горцевъ, имѣвшимъ очень мало артиллеріи, а по силѣ своего гарнизона и вблизи расположенныхъ войскъ можно было предполагать, что Анапа снабжена войсками не только для обороны, но и для наступательныхъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя бы держали недалеко жившее не мирное населеніе горцевъ въ страхѣ за свое существованіе и заставляли бы его сидѣть смиреннѣе и заботиться болѣе всего о самозащитѣ.

Но начальство въ крѣпости, послѣ дѣятельныхъ начальниковъ войскъ Раевского и Вельянинова, не понукаемое, спокойно сидѣло, какъ прежде сидѣли тамъ Турецкіе паши; да и чего ему тамъ не доставало; для прирученія, такъ сказать, Натухайцевъ, съ разрѣшенія князя Воронцова, по пятницамъ

допускалась вблизи крѣпости „сатовка“, мѣновая торговля;¹⁾ горцы приносили свои сельскія произведенія и живность; промѣнивали грекамъ торговцамъ на мануфактурные товары приносимое, а чины гарнизона покупали за деньги, платя только звонкою монетою; кредитные билеты были не въ ходу у горцевъ; промѣнивалось и продавалось все дешево; кромѣ того, малоазійскіе греки контрабанднымъ путемъ доставляли изъ Турціи табакъ, ликеры и т. п. товары; климатъ въ Анапѣ здоровый, не смотря на отсутствіе растительности; тамъ нѣтъ сильной жары, благодаря постояннымъ вѣтрамъ; жилось и жили такъ, что если бы сами Натухайцы не производили вблизи крѣпостей нападеній, не заставляли гарнизонъ просыпаться, то весь его составъ позабылъ бы, что существуетъ Кавказская война. Такая неподвижность войскъ поощряла Натухайцевъ, жившихъ частью за хребтомъ „Семисамъ“ по р.р. Хандерею и Сукко, верстахъ въ 7 и немного далѣе, въ береговой полосѣ, поросшей лѣсами и въ пересѣченной мѣстности; Натухайцы „шалили“ до такой степени, что даже сообщеніе съ Алексѣевскимъ редутомъ рано утромъ и предъ вечеромъ было опасно для одиночныхъ людей, а сообщеніе съ сел. Витязевымъ, у кр. Гостагай, и фортомъ Раевскимъ всегда производилось подъ сильнымъ прикрытіемъ и орудіемъ.

Выходъ изъ войскъ гарнизона колоннъ на тревогу въ окрестностяхъ, не рѣдко, съ просонья, производился своеобразно, ради очищенія совѣсти: услышали тревогу, выслали помощь, а если она запоздала, то мы, начальство, не виноваты.

Изъ послѣдующаго описанія тревогъ въ окрестностяхъ Анапы читатель узнаетъ, что начальство ея гарнизона отличалось странною сообразительностью въ военномъ дѣлѣ.

19 февраля, передъ свѣтомъ, постоянные и надежные лазутчики Анапскаго коменданта полковника Миронова—Натухайцы Шумай Хупшъ-Цхабо и Хусейнъ-Хупшъ, имѣвшіе родичей въ полуэскадронѣ, прискакали къ крѣпости; дежурный по карауламъ, лично знавшій ихъ, впустилъ; лица эти сообщили коменданту, что на восточномъ склонѣ горы Султанской

¹⁾ По пятницамъ на время „сатовки“, изъ крѣпости выходилъ баталіонъ пѣхоты за крѣпостныя „Русскія“, ворота и становился на позицію для охраны покупателей отъ всякихъ покушеній горцевъ; предъ заходомъ солнца горцы уходили въ горы „Санисамъ“, а баталіонъ возвращался въ крѣпость

собралась партія человекъ въ 300. Оповѣстивъ объ этомъ сообщеніи начальниковъ частей въ гарнизонѣ, комендантъ распорядился, чтобы за «русскія» ворота, въ восточномъ фасѣ крѣпости, вышла рота пѣхоты и пріѣхали бы 50 всадниковъ изъ полуэскадрона.

Вышедшія за ворота войска комендантъ остановилъ и, не смотря на категорическое показаніе хорошо извѣстныхъ ему упомянутыхъ лазутчиковъ о появленіи партіи въ пунктѣ, откуда она могла напасть по своему составу на скотъ, жителей и на его прикрытіе у сел. Суворовскаго, или у ст. Николаевской.—удержалъ роту и всадниковъ на мѣстѣ и сталъ ожидать, гдѣ окажется тревога, туда и направить эту помощь. Мѣстность вблизи Анапы была извѣстна всѣмъ и каждому, а Миронову, какъ располагавшему войсками,—въ особенности, но выходило иначе: вмѣсто того, чтобы, по полученіи такого сообщенія, немедленно направить поддержку, и въ болѣе сильномъ составѣ, на центральный пунктъ между Витязевскимъ и Николаевской къ высотамъ Уцокутанъ, вблизи которыхъ по балкамъ горцы уже неоднократно скрывались и оттуда внезапно производили нападенія на сказанные пункты, или выслать резервъ, по крайней мѣрѣ, къ бывшему Нашебургскому редуту, откуда не далеко р. Куматарь, въ ущельѣ котораго, горцы, при преслѣдованіи, нерѣдко скрывались, а главное—важному пункту потому, что отъ Анапы до мѣста редута, версты 4¹/₂, дорога шла по рыхлому песку, всегда тяжелая для пѣшаго, а отъ редута уже песку не было и дорога была твердая (при всей ретивости пѣхоты, она могла идти до редута только медленнымъ маршемъ)—въ Витязево и Николаевскую были посланы съ записками расторопные изъ всадниковъ.

Прошло около часа, и нигдѣ не слышно вѣстового пушечнаго выстрѣла, а Мироновъ съ резервомъ все стоитъ у воротъ; но вотъ на востокъ стало проясняться, видѣнъ уже туманъ надъ лиманомъ у Алексѣевскаго редута, а выстрѣла все не слышно; востокъ сталъ краснѣть и, наконецъ, послышался гулъ отъ пушечнаго выстрѣла изъ Витязевой. Только тогда Мироновъ приказалъ этому маленькому резерву „спѣшить“ въ Витязево; непріятель уже тамъ, а резерву нужно еще пройти 12 верстъ, изъ нихъ 4 по дюнамъ!

Такія распоряженія нѣкоторые начальники называли сбереженіемъ силъ „солдатъ“; чего, дескать, даромъ гонять людей; а такая гоньба, какъ посылка поддержки Мироновымъ, считалась „сбереженіемъ людей“; мало того, что при такихъ поддержкахъ люди страшно изнурялись, а еще посылка такого слабого по численности резерва, когда силы непріятели далеко не были извѣстны, а опредѣлены горцемъ глазомѣрно, могли подвергнуть эту горсть истребленію или большой потерѣ. Резервъ пошелъ, но пошелъ въ одной колонѣ, — 50 всадниковъ при такой численности непріятели не могли скакать впередъ въ Витязево, они только освѣщали мѣстность впереди роты и съ правого ея фланга; въ такомъ положеніи колонна эта шла къ кургану вблизи Витязева, подъ названіемъ „сильная батарея“. Пѣхота шла къ дорогѣ, а всадники, пройдя мимо Нашебургскаго редута, поднялись на бугры вправо и ѣхали по вершинамъ; поровнявшись съ пепелищемъ бывшаго аула Натухайцевъ, „Джеметэ“, разореннаго Черноморскими казаками еще въ 1829 г. при осадѣ и взятіи Анапы княземъ Меншиковымъ, всадники замѣтили ѣхавшихъ вдаль людей; сначала не разобрали кто они, но потомъ оказалось, что ѣхали Донскіе казаки; выстрѣловъ нигдѣ не было слышно, а по направленію казаковъ на Витязево можно было предполагать, что тревога окончилась, непріятель скрылся, а потому рота продолжала движеніе уже ниже, а всадники подались впередъ къ казакамъ. У сигнальнаго кургана войска изъ Анапы соединились съ Донцами, остановившимися тамъ для отдыха, съ своими убитыми и ранеными; оттуда Донцы пошли въ Витязево, а пришедшіе возвратились въ Анапу. А у Витязеваго произошло вотъ что: нарочный изъ Анапы горець, не жалѣя своего коня, пріѣхалъ туда на разсвѣтѣ съ запискою Миронова; оттуда тотчасъ-же была двинута сотня къ сигнальному кургану, откуда можно видѣть балки по сѣверной сторонѣ высотъ Оцокутана, а для осмотра мѣстности къ востоку отъ Витязеваго, по направленію къ горѣ Султанской, былъ посланъ другой разъѣздъ изъ 40 казаковъ, подъ командою хорунжаго Широкова; къ этому разъѣзду добровольно присоединялось четыре челоуѣка грековъ-поселянъ изъ стариннаго селенія Харламова¹⁾.

¹⁾ Греки изъ малой Азіи; изъ нихъ и образовалось все селеніе.

Разстояніе между разъѣздами было около трехъ верстѣ, но такъ какъ тотъ и другой поднимались на возвышенности, то и видѣли другъ друга. Поднявшись на курганъ, сотня замѣтила въ верстѣ отъ себя въ балкѣ толпу горцевъ; командиръ ея есаулъ Намиконовъ сію-же минуту далъ знать объ этомъ въ Витязево, а съ сотнею пустился за партіей, которая стала подаваться назадъ къ Оцокутану. Широковъ замѣтилъ быстрое движеніе впередъ Намиконова, взялъ вправо и, поднявшись на валъ, тоже замѣтилъ вдали горцевъ и понесся впередъ съ цѣлью отрѣзать партію отъ дороги къ Султанской понесся по прямому направленію чрезъ балки и въ одной изъ нихъ наѣхалъ на водомоину съ отвѣсными берегами; водомоина была такъ широка, что лошади не могли перепрыгивать чрезъ нее; казаки скакали развернутымъ фронтомъ; передъ водомоиною они, чтобы гдѣ либо переѣхать ее, въ торопяхъ раздѣлились, но половина пошла внизъ за несшимся впереди Широковымъ, а половина взяла влѣво, выше, гдѣ уже было русло; съ этою половиною скакали и греки. Эта часть казаковъ, объѣхавъ водомоину, выскочила на слѣдующій подъемъ, а за нимъ, за его вершиною, лежало на готовѣ челоуѣкъ 70 горцевъ, имѣвшихъ лошадей тутъ-же у подошвы. Наскочившіе на нихъ казаки были встрѣчены залпомъ; передніе казаки были перебиты; горцы вскочивъ на лошадей, бросились въ шашки; урядникъ, бывшій съ этою кучкою, былъ убитъ; старшина Харламовъ посоветовалъ отдѣлиться и отстрѣливаться; горцы бросились въ шашки; произошла свалка. Широковъ, услышавъ залпъ, тотчасъ же поворотилъ влѣво и чрезъ нѣсколько минутъ уже былъ въ тылу горцевъ и смѣло ударилъ на нихъ; пошли въ ходъ шашки и пики: Натухайцы не выдержали лихого удара; оставляя своихъ убитыхъ, пошли назадъ въ разсыпную; Широковъ, раненный шашкою въ лѣвую руку, смѣло кинулся въ преслѣдованіе; Намиконовъ уже былъ близко, а сзади высоты показались уже двѣ сотни изъ Витязеваго. Горцы преслѣдуемые Намиконовымъ, тоже замѣтили показавшіяся сотни и, боясь быть отрѣзанными, круто поворотили вправо къ высотамъ у правого берега р. Куматырь; казаки насѣли, горбоносые дончаки стали брать верхъ надъ горскими лошадьми и у дороги изъ Анапы въ Гостагаевское укрѣпленіе хвостъ партіи

былъ отрѣзанъ: 7 тѣлъ осталось на мѣстѣ, но горцы уже успѣли добраться до ровнаго мѣста на высотахъ и скрылись въ лѣсистой балкѣ, выходящей къ р. Куматырь.

Всего казаками найдено было отъ мѣста схватки Широкова до сказанной дороги 13 тѣлъ горцевъ и переловлено 10 лошадей: между найденными тѣлами оказался трупъ извѣстнаго натухайскаго наѣздника Джарыма Шаганъ-гирея; онъ палъ въ схваткѣ съ Широковымъ. Надъ второю партію начальствовалъ старшина Тогузь Керзекъ, попавшій подъ ударъ Намиконова и потерявшій 7 тѣлъ, что считалось позоромъ, но и съ нашей стороны была не малая потеря: убито 13 казаковъ, изъ числа наѣхавшихъ на засаду горцевъ разѣзда Широкова и при стычкѣ его съ этою партію, а ранено: 1 офицеръ, хорунжій Широковъ, 10 казаковъ и одинъ изъ грековъ; кромѣ того, безъ вѣсти пропалъ грекъ охотникъ. Лазутчики передавали Миронову, что въ обѣихъ партіяхъ ранено 60 человекъ. Лазутчики дополнили свои свѣдѣнія тѣмъ, что цѣлью горцевъ былъ захватъ скота у грековъ; часть партіи должна была напасть на прикрытіе, а меньшая, скрытая, кинуться на стадо. Товарищи по шайкѣ убитаго Джарымъ-гирея и родственники другихъ, павшихъ 19 февраля, рѣшили отомстить за своихъ, подбивали молодежь участвовать въ предпріятіи; задумано было ими устроить засаду изъ массы, а для наведенія на нее казаковъ избрали доброконныхъ джигитовъ, которые, кинувшись на стадо грековъ, поближе подпустили-бы погоню за собою и, будто-бы, спасаясь отъ нея, навели бы на партію.

Въ крѣпости узнали объ этой затѣѣ, а 1-го марта уже положительно знали, что партія въ сборѣ и что цѣль ея—нападеніе на Витязево. Командиры частей доложили коменданту, что слѣдуетъ, въ виду положительныхъ извѣстій о сборѣ и намѣреніи партіи, предупредить нападеніе, занявъ въ ночь удобный пунктъ вблизи Витязеваго. Доводы эти были такъ убѣдительны, въ особенности командира горскаго полуэскадрона маіора милиціи Абдрахманова, хорошо знавшаго мѣстность вблизи Анапы, что Мироновъ рѣшилъ даже лично выступить для встрѣчи горцевъ; въ ночь выступила колонна изъ баталіона пѣхоты, горскаго полуэскадрона и съ двумя легкими орудіями. Дойдя до сигнальнаго кургана, колонна, по указа-

нію Абдрахманова, свернула на право и, пройдя версты три, остановилась у кургана съ восточной стороны Витязева; оттуда мѣстность понижалась къ подножію Султанской горы, а вблизи на право, на югъ, шли балки къ Уцокутану. На курганѣ былъ положенъ секретъ изъ всадниковъ полуэскадрона, а отрядъ расположился за курганомъ. До разсвѣта оставалось еще болѣе часу; люди, лежа, отдыхали; едва стало разсвѣтать, какъ изъ секрета дали знать, что отъ Султанской слышенъ топотъ лошадей, но еще нельзя разобрать, велика-ли партія; тотчасъ-же баталіонъ былъ подвинутъ впередъ; рота осталась при орудіяхъ, подвезенныхъ поближе къ вершинѣ, а остальные три заняли верхи покатостей съ кургана, вѣрнѣе отдѣленаго на восточныхъ возвышенностяхъ отъ Витязеваго возвышенія, отъ котораго съ сѣвера и юга шли балки. Вслѣдъ затѣмъ всадники дали знать, что партія, вѣроятно, раздѣлилась, что часть ея идетъ, должно быть, на вершину высоты, а часть повернула въ обходъ съ южной стороны; орудія зарядили картечью, секреты были отозваны. Прошло нѣсколько минутъ, у вершины высоты стали показываться силуэты конныхъ людей, тихо ѣхавшихъ на разстояніи шаговъ двухсотъ отъ орудій; артиллеристы не выдержали, оба орудія дали залпъ, а рота повторила; вся колонна вскочила на ноги для встрѣчи врага, но врагъ не заблагоразсудилъ встрѣчаться: ошеломленный залпами и, сознавая, что если у русскихъ орудія, то слѣдовательно ихъ много, горцы понеслись назадъ, спасаясь во мглѣ; орудія быстро поставили на передки и направились на вершину, а оттуда, болѣе по конскому топоту, чѣмъ по прицѣлу, былъ открытъ огонь въ догонку горцевъ. На выстрѣлы изъ Витязеваго прискакали три сотни донцовъ; колонна, простоявъ на мѣстѣ до 8 часовъ утра, пошла въ Витязево на отдыхъ, а донцы остались для освѣщенія мѣстности: но горцевъ и слѣдъ простылъ. Не во время данные залпы принесли мало толку,—на мѣстѣ осталось только 11 тѣлъ и нѣсколько труповъ лошадей. Къ вечеру колонна вернулась въ Анапу.

Можно предполагать, что турки были увѣрены въ предстоящей войнѣ съ Россією, а иначе они не вели-бы такъ усердно пропаганды между горцами, щедро снабжая ихъ порохомъ и свинцомъ, не смотря на усиленное крейсерство у

Кавказскихъ береговъ; хотя случалось, что крейсеръ, не обращающій вниманія на крикъ съ кочермы: „одна вѣра“, пускалъ кочерму ко дну, но жадность къ наживѣ слишкомъ велика у выродившихся потомковъThemistocles и Pericles; гибель одного не пугала другаго, да и прибрежные малоазійскіе турки были хорошими моряками и зачастую проскользали на берегъ, не стѣсняясь, при опасности, входить въ устье какой либо рѣченки, или прямо направляться на дюны. Населенію турки обѣщали „золотыя горы“, а Магометъ-Эмину и званіе „сераскира“; руководителемъ пропаганды былъ пріятель Магометъ-Эминъ Мустафа-паша¹⁾.

Эмиссары турокъ были вездѣ по Кавказу; дѣятельность ихъ не осталась безслѣдною даже въ Карачаѣ, жители котораго и прежде втихомолку вели мѣновую торговлю съ непокорными горцами, въ особенности съ обществами Абазинскаго племени, какъ ближайшими сосѣдами. И въ Карачаѣ стали кое-гдѣ поговаривать о непризнаніи русской власти, утратившей свою силу отъ дѣйствія турокъ.

Магометъ Эминъ зналъ, что происходитъ въ Карачаѣ и вообразилъ, что появленіе его тамъ дастъ крутой оборотъ дѣлу: нерѣшительность, опасеніе многихъ пропадетъ, въ особенности если онъ съ большею партіею появится въ Карачаѣ и оттуда съ нею и соединившимися съ нимъ приверженцами изъ Карачаевцевъ сдѣлаетъ набѣгъ на какую либо изъ ближайшихъ станицъ.

Лезгинъ Магометъ Эминъ никогда не отличался большою предусмотрительностью и всегда въ крупныхъ предпріятіяхъ, начиная съ похода на г. Ставрополь до предпріятія на Карачай, во многомъ дѣйствовалъ неосмотрительно, не принялъ серьезныхъ мѣръ къ развлеченію силъ праваго фланга. Съ половины іюня соумышленники Магометъ Эмина на народныхъ сходкахъ стали проводить мысль о движеніи въ Карачай, а къ 5 іюля, по распоряженію Магометъ-Эмина, горцы собрались въ

¹⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности Мустафы паши извлечены изъ дѣлъ архива штаба Кавказскаго военнаго округа за 1853 г. подъ №№ 40, 41 и 45 за 1855 г. за № 17— „по генеральному штабу“. Интересна его продѣлка въ послѣднемъ году, изложенная въ донесеніяхъ командиру корпуса Муравьеву, начальника лѣваго фланга генерала Вревскаго, отъ 16 іюня 1855 г. за № 1510 и 9 іюля за № 1673;— тамъ сообщается о присылкѣ съ депутаціею Шамилю плана кампаніи для выгона русскихъ за р. Терекъ, съ помощью турокъ, которые съ горцами двинутся изъ брошенной русскими Анапы и дойдутъ до Владикавказа.

ур. Каменный Мостъ на р. Бѣлой, тамъ гдѣ она выходитъ изъ тѣснины Даховскаго общества. На правомъ берегу рѣки была большая поляна, на которой во времена Магометъ-Эмина собирался народъ, т. е. старшины и почетные лица на „мегкемэ“ (народное собраніе). Прибывшій туда предводитель, съ своими муртазаками, предложилъ походъ на Карачай, а оттуда съ Карачаевцами на станицы, — такъ онъ былъ увѣренъ въ успѣхъ дѣла. Народъ, знакомый ранѣе съ объявленнымъ предложеніемъ, согласился, увѣренный, что все предусмотрено и въ надеждѣ на хорошую добычу, послѣ чего начались сборы. На самомъ дѣлѣ Магометъ-Эминъ, по своему воображенію, предусмотрѣлъ только посылку съ Каменнаго Моста депутацій къ Шапсугамъ, Натухайцамъ и Убыхамъ, чтобы и они приготовлялись дѣйствовать рѣшительнѣе и помогли-бы великому дѣлу нападеніемъ на наши линіи, а о главномъ, о развлеченіи силъ праваго фланга, не подумалъ и тѣмъ позволилъ Евдокимову въ минуты опасности располагать массою казаковъ, слѣдовательно совершать быстрыя движенія на угрожаемые непріателемъ пункты.

Армавирскіе армяне, какъ всѣмъ извѣстно, во время Кавказской войны играли двуличную роль, наживая деньги всѣми путями; зная хорошо нарѣчіе Адыге, нося костюмъ и вооруженіе горцевъ, они вели съ ними выгодную для себя мѣновую торговлю, промѣнивая на скотъ плохого качества яркихъ цвѣтовъ ситцы и кубовый кумачъ; они наживали по 150—200⁰/₀. Дѣлалось это хотя секретно, но наши власти знали ихъ продѣлки, знали даже, что армяне осмѣливаются промѣнивать въ горы даже порохъ и свинецъ. Генералъ Евдокимовъ отлично зналъ о сношеніи армянъ съ горцами, а армяне знали мнѣніе о себѣ Евдокимова и старались, заглаживая свою дѣятельность, подслуживаться Евдокимову, жившему по сосѣдству въ Прочномъ окопѣ, сообщая ему разныя свѣдѣнія о горцахъ.

Черезъ армянъ Евдокимовъ узналъ о пропагандѣ турокъ, о намѣреніи горцевъ дѣйствовать большими партіями на наши линіи. По сообщенію Евдокимова командующему войсками о намѣреніяхъ горцевъ, войска праваго фланга были усиливается; — изъ Черноморскаго войска прибыли: баталіонъ

пѣшихъ казаковъ, ставшій въ ст. Некрасовской, и конная батарея, поставленная въ ст. Чамлыкской; даже придвинуты были войска изъ Ставрополя, шедшія, (двѣ роты 1-го Кавказскаго линейнаго баталіона) въ первый и послѣдній походъ до переформированія.

Въ началѣ іюля Евдокимовъ получилъ свѣдѣнія о замыслѣ Магометъ-Эмина на Карачай. Предполагая, что горцы на вѣрное попробуютъ отвлекать его и войска въ другія стороны, генералъ Евдокимовъ немедленно приступилъ къ сформированію небольшихъ отрядовъ для огражденія Лабинской и Кубанской линій; ¹⁾ первый отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Попандопулло, былъ поставленъ въ ст. Петропавловской, для защиты Нижнелабинской линіи.

Второй отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Войцицкаго, расположился въ ст. Чамлыкской, для охраны Верхнебаканской линіи, а третій отрядъ, поближе къ Карачаю, въ Невинномысской, подъ начальствомъ генералъ-маіора Васмунда; при движеніи горцевъ въ Карачай, къ этому отряду были присоединены войска, пришедшія изъ Кисловодска подъ командою полковника барона Унгернъ-Штемберга.

Самъ же Евдокимовъ выѣхалъ въ ст. Вознесенскую, куда имъ было направлено три баталіона пѣхоты, двадцать шесть сотенъ казаковъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, шесть конныхъ и четыре пѣшихъ орудія и двѣ сотни милиціи, куда входили и добровольно служившіе армавирскіе армяне. Главною заботою Евдокимова было своевременно подержать большею частью преданныхъ намъ Карачаевцевъ, не дозволить горцамъ грабить несочувствовавшихъ имъ. Онъ былъ убѣжденъ, что его своевременное появленіе тамъ не только удержитъ всѣхъ Карачаевцевъ отъ какихъ либо враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, но и вынудитъ партію, въ слѣдствіе ея многочисленности, подратся съ отрядомъ на подхожденіи мѣстности, и Евдокимовъ о боѣ съ партіею не безпокоился, полагаясь на свои войска; въ такихъ случаяхъ генералъ Евдокимовъ, какъ и другіе дѣльные Кавказскіе генералы, разсуждали подобно предводителю Вестготовъ Аллариху, ко-

¹⁾ Кубанская линія, входившая въ районъ праваго фланга, находилась вблизи ст. Воронежской и простиралась до верховій Кубани къ укр. Каменномостскому.

горый, осадивъ Римъ, предложилъ гражданамъ его тяжелыя условія сдачи и когда римляне отвѣтили, что, если условія не будутъ смягчены, они поголовно будутъ защищаться, то Алларихъ, выслушавъ, сказалъ: чѣмъ „гуще трава тѣмъ удобнѣе косить“. Такъ, зная по опыту, что чѣмъ партія была многочисленнѣе, тѣмъ болѣе было безтолковщины въ ея дѣйствіяхъ, Евдокимовъ даже желалъ, чтобы горцы попробовали напасть на него. Какъ не спѣшилъ Евдокимовъ со сборомъ войскъ къ Вознесенской, но, по прибытіи туда, узналъ, что Абадзехи еще 16 числа, собравшись въ обществѣ Дахо, двинулись оттуда чрезъ высоты Кунъ на Ходзь и, спустившись къ малой Лабѣ у устья Шахгиреевскаго ущелья, прошли на большую Лабу, и, что партія эта, усиленная Шахгиреевцами и Тамовцами (Абазинами) уже у р. Кефра.

Евдокимовъ немедленно выступилъ 20-го же числа; на привалѣ, 21-го числа, у р. Тегень ему сообщили, что вся партія, до 7000 челоуѣкъ, стоитъ на отдыхѣ между р. р. Бежгономъ и Кефаромъ, а завтра двинется къ р. Марухъ. На разсвѣтѣ 22-го числа отрядъ встрѣтили нѣсколько Карачаевцевъ изъ почетныхъ жителей, сообщившихъ Евдокимову, что между народомъ благоразумная партія взяла верхъ, востанія не будетъ, а народъ спѣшитъ собираться, боясь грабежа отъ своихъ непрощенныхъ избавителей отъ русской власти. Вполнѣ полагаясь на такія благопріятныя свѣдѣнія отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, Евдокимовъ рѣшилъ спѣшить за партією. Отправивъ назадъ Карачаевцевъ и приказавъ имъ собираться въ партію у Маруха, на пути движенія Магометъ-Эмина, обнадежилъ ихъ, что быстро двинется вслѣдъ за непріателемъ, онъ, оставивъ пѣхоту съ 6-ю орудіями, приказалъ ей спѣшить къ Маруху, а самъ съ 24 сотнями и милицію и съ 4 конными орудіями двинулся немедленно къ Маруху.

Передъ свѣтомъ, 23-го числа, къ Евдокимову снова прискакали Карачаевцы и сказали, что Магометъ Эминъ узналъ чрезъ измѣнниковъ, что Карачаевцы встрѣтятъ его оружіемъ, что народъ не желаетъ измѣнять русскимъ и что послѣдніе идутъ въ большомъ числѣ по его слѣдамъ, что все это обезпокоило горцевъ и старшины, опасаясь попасть между двухъ враговъ, посовѣтывали Магометъ-Эмину поскорѣе отступить.

такъ какъ предпріятіе, при такихъ условіяхъ, не удастся и народъ напрасно можетъ понести потерю въ людяхъ; предводитель согласился съ этимъ здравымъ мнѣніемъ, но, чтобы чѣмъ нибудь ознаменовать свой походъ, предложилъ напасть на оставшуюся теперь безъ войскъ ст. Вознесенскую и по разореніи ея быстро двинуться за Лабу на р. Бѣлую и внезапно взять укр. Бѣлорѣченское, гдѣ находился большой складъ патроновъ и пороху. Старшины и почетные Абадзехи изъявили полное согласіе и вся масса быстро отступила къ верховьямъ р. Урупа, чтобы оттуда перевалиться на р. Чамлыкъ.

Пославъ полусотню милиціи на встрѣчу пѣхотѣ отряда съ приказаніемъ повернуть назадъ и идти къ Вознесенской, Евдокимовъ, пользуясь знаніемъ милиціонерами дорогъ въ этой пересѣченной мѣстности, поворотилъ къ угрожаемой станицѣ и двинулся быстрымъ ходомъ, а по удобнымъ мѣстамъ даже рысью. День 23 іюля былъ жаркій, люди и лошади истомлялись, надобно было спѣшить; чтобы дать лошадямъ какой нибудь отдыхъ, сотни время отъ времени спѣшивались и, ведя лошадей въ поводьяхъ, все таки двигались впередъ; къ вечеру удалось добраться до р. Чамлыка; выѣхавъ на сравнительно ровныя мѣста вблизи рѣки, Евдокимовъ уже въ сумерки рѣшилъ, верстахъ въ 8 отъ станицы Вознесенской дать привалъ колоннѣ, на рѣкѣ, а въ полночь войти въ станицу. Отрядъ прошелъ за этотъ день около 90 верстъ! Лошади такъ устали и намяли ноги, что еле ступали, подходя къ Чамлыку. Впереди, въ верстѣ расстоянія отъ казаковъ, шла милиція; она первая и подходила къ рѣкѣ, поднимаясь на возвышенность праваго ея берега. При спускѣ къ рѣкѣ милиціонеры въ буквальномъ смыслѣ наткнулись на горцевъ; отъ неожиданной встрѣчи обѣ стороны оторопѣли, но вотъ со стороны партіи грянули выстрѣлы, а милиціонеры, отвѣчая на огонь, быстро подались назадъ, частью даже бросая своихъ измученныхъ лошадей. Выстрѣлы оживили кавалерійскую колонну; обезпечивъ фланги, сотни двинулись впередъ, надъ спускомъ къ Чамлыку уже никого не было, всѣ горцы подались вверхъ по рѣкѣ. Измученные кони казаковъ не были годны для преслѣдованія непріятеля; его можно было преслѣдовать только изъ орудій и ракетныхъ станковъ, что и дѣ-

лалось по хвосту партіи, а больше для того, чтобы пушечными выстрѣлами оповѣстить Вознесенскую и Владиміровскую станицы о появленіи непріятеля и близости отряда.

Какъ потомъ выяснилось, у Чамлыка было только около двухъ тысячъ доброконныхъ горцевъ съ Магометъ-Эминомъ, а остальная партія шла выше прямо къ Лабѣ.

Евдокомовъ въ полночь пошелъ въ станицу, не рѣшаясь съ измученными казаками переходить Лабу.

Партіи же собрались на другой день на Псефирѣ, а на третій, на разсвѣтѣ, появились предъ Бѣлорѣченскимъ, но гарнизонъ былъ на сторожѣ; — съ батареей полетѣли гранаты, а на брустферахъ засверкали штыки. Здѣсь Абадзеховъ взяло раздумье: не лучше-ли по добру-по здорову убираться домой; такъ и сдѣлали; тѣмъ и окончился безкровный для обѣихъ сторонъ походъ на Карачай.

Прочіе не покорные горцы, въ силу дынныхъ обѣщаній, тоже собирались въ партіи, болѣе или менѣе одновременно съ Абадзехами, для энергическихъ дѣйствій противъ насъ. Убыхи и Шапсуги затѣвали брать даже наши небольшія укрѣпленія по береговой линіи, надѣясь тамъ поживиться боевыми припасами, а тамъ дѣйствительно всегда этихъ запасовъ было болѣе, чѣмъ съѣстныхъ; горцы хорошо знали объ этомъ. Партія изъ этихъ племенъ собралась въ толпу болѣе 800 человекъ и задумала взять укрѣпленіе Тенгинское у устья р. Шапсуга. Укрѣпленіе это съ стратегическою цѣлью было возведено не по берегу моря, а въ ущельи; для свободнаго сообщенія съ берегомъ, былъ вблизи устья рѣки построенъ прочный деревянный блокгаузъ, снабженный орудіемъ, а въ гарнизонъ его вступало рота изъ укрѣпленія, еженедѣльно смѣняясь.

20 іюля партія показала въблизи укрѣпленія. Не рѣшаясь броситься на штурмъ, видя готовность гарнизона къ защитѣ, горцы порѣшили утомить бодрость его и тогда броситься на штурмъ.

Этотъ проэктъ и стали приводить въ исполненіе. — Большая часть партіи держалась около укрѣпленія, ведя перестрѣлку съ разсвѣта до поздней ночи, усиливая ее въ обѣденное и вечернее время, чтобы не давать гарнизону спокойно поѣсть, а по ночамъ подкрадывалась то съ одной, то съ

другой стороны и, давши залпъ, гикала, будто бы, двигаясь штурмовать; вообще вели дѣло такъ, что гарнизонъ по цѣлымъ суткамъ долженъ былъ находиться на сторожѣ; тоже, но въ меньшемъ размѣрѣ, продѣлывали и у блокгауза; тамъ по малочисленности гарнизона всѣ стояли въ постоянной готовности къ бою.

За день до появленія горцевъ, воинскій начальникъ укрѣпленія подполковникъ Подгурскій получилъ отъ начальника II-го отдѣленія черноморской береговой линіи сообщеніе о сборѣ большой партіи и указанія о принятіи мѣръ противъ возможнаго нападенія горцевъ.

Служба въ блокгаузѣ требовала особой бдительности, горцы частенько появлялись въ виду его, люди за недѣлю утомлялись, а потому Подгурскій послалъ туда на смѣну свѣжую роту, снабдивъ ее запасными комплектами патроновъ и отославъ съ нею запасный зарядный ящикъ для орудія; за день въ укрѣпленіи были приняты всѣ мѣры къ лучшей защитѣ.

Вотъ почему горцы и нашли гарнизонъ вполнѣ готовымъ и осторожнымъ.

21 и 22 іюля горцы продолжали свои дѣйствія, а 23, оставя у укрѣпленія часть, партія отрѣзала сообщеніе съ блокгаузомъ, занявъ и даже укрѣпивъ дорогу къ нему, а большая часть расположилась вблизи блокгауза, заведя съ нимъ жаркую перестрѣлку. Кремневая ружья у гарнизона били ближе винтовокъ горцевъ, которые и пользовались превосходствомъ своего оружія и били по амбразурамъ и на выстрѣлъ изъ орудія въ особенности усиливали огонь, надѣясь перебить прислугу. Такъ продолжалось до полудня. У укрѣпленія шла также оживленная перестрѣлка; въ полдень огонь горцевъ сталъ стихать, но толпы вблизи блокгауза стали увеличиваться, а потомъ онѣ скрылись по зарослямъ. Въ два часа дня горцы появились двумя массами отъ Шапсуго справа и съ бугра слѣва, обѣ партіи смѣло бѣжали на блокгаузъ; у многихъ изъ нихъ были большія связки хворосту, надожженные съ одного конца; напоръ былъ такъ смѣлъ и быстръ, что нѣкоторые успѣли подбѣжать шаговъ на двадцать и бросали горѣвшія связки къ блокгаузу, но ближе поджигателямъ не удалось при-

близиться къ стѣнамъ; гарнизонъ встрѣтилъ атакующихъ дружнымъ огнемъ, а орудіе ударило картечью.

Отбитые горцы не далеко отбѣжали; часть отхлынула къ Шапсуго, а часть залегла у берега за дюнами и омытыми мѣстами и снова пошла пальба по блокгаузу.

Въ это время бригъ „Эндиміонъ“ шелъ въ крейсерство вблизи береговъ; на „Эндиміонѣ“ слышали пушечные выстрѣлы. Черноморскіе моряки отлично знали море у Кавказскихъ береговъ; командиръ брига капитанъ-лейтенантъ Есаковъ тотчасъ поворотилъ къ Тенгинскому.

Вблизи берега съ „Эндиміона“ въ подзорныя трубы отлично разсмотрѣли, что дѣлалось у блокгауза; орудія были откѣплены, парусность увеличина и бригъ понесся къ блокгаузу, держась на усть Шапсуго.

Увлеченные пальбою по блокгаузу горцы не замѣтили брига, подошедшаго уже на ближній пушечный выстрѣлъ. Залпъ по нимъ изъ орудій брига произвелъ панику въ партіи. Частый огонь моряковъ вынудилъ горцевъ быстро скрыться по зарослямъ на Шапсуго, но съ брига зорко слѣдили за ними и били туда, гдѣ горцы думали укрыться; скрываясь отъ пальбы съ брига, горцы попадали подъ вѣрный выстрѣлъ орудія изъ блокгауза. Изъ укрѣпленія, при звукѣ пальбы съ брига и бѣгства горцевъ за Шапсуго, сдѣлали вылазку къ блокгаузу, но горцевъ уже не встрѣтили. Въ блокгаузѣ было 12 раненныхъ; съ брига, по удаленіи горцевъ, пришелъ баркасъ; раненые были взяты для доставки въ Новороссійскъ, но бригъ держался вблизи до утра слѣдующаго дня, когда всѣ убѣдились, что горцы ушли домой. Болѣе 20 тѣлъ было оставлено горцами, вблизи блокгауза и Шапсуго.

Натухайцы съ Шапсугами—сосѣдями собирались медленно; только къ 23 іюля они собрались у нижняго теченія р. Бакана, на р. Адагумѣ.

24 число прошло въ совѣщаніяхъ; сначала предполагали напасть на Черноморію. Очень ужъ соблазняли горцевъ большія стада отличнаго скота у черноморцевъ, но недавнія походы мелкихъ партій нигдѣ не удавались; зорки и осторожны были черноморцы на постахъ и батарейкахъ; наконецъ, было рѣшено напасть на укр. Гастогай; оно было

подъ рукою. При неудачѣ нечего было бояться преслѣдованія—лѣса и заросли были близки, а поживиться и тамъ было чѣмъ, въ особенности порохомъ; кромѣ того, цѣль была и та, что туда изъ Витязеваго на тревогу поѣдутъ казаки, а ихъ можно будетъ хорошо побить, когда они съ Султанскихъ высотъ спустятся къ р. Гастагаю; малое количество гарнизона въ Гастагаѣ горцамъ было извѣстно, нужно было только получше замаскировать предпріятіе; старшины и вожаки въ партіи порѣшили распуścić ложный слухъ, что они пойдутъ на Николаевскую станицу. Къ 25-му партія еще увеличилась, прибыли люди изъ дальнихъ ауловъ.

О сборѣ Шапсуговъ и Натухайцевъ давно было извѣстно, на линіяхъ предпринимались мѣры предосторожности, заботились о томъ и въ 1-мъ Отдѣленіи Черноморской береговой линіи, но руководители ея были замѣчательно плохіе стратеги;—гарнизоны въ Анапѣ и Раевскомъ фортѣ, въ ст. Николаевской и редутѣ Алексѣевскомъ были увеличены, а объ укр. Гастагаѣ, расположенномъ въ буквальномъ смыслѣ въ непріятельской землѣ, позабыли; а оно было въ 25 верстахъ отъ Анапы и въ 12 отъ Витязеваго въ тѣснинѣ р. Гастагаѣ, а отъ форта Раевскаго верстахъ въ 30; дорога туда, пролегая по гористой и лѣсистой мѣстности, вездѣ была удобная для нападеній непріятеля, поэтому, посылая отсюда подкрѣпленіе въ Гастагаѣ, нужно было назначить сильную колонну, а въ фортѣ былъ небольшой гарнизонъ, слѣдовательно Гастагаевское могло быть поддержано только изъ Анапы, но тамъ не объ этомъ думали.

Укр. Гастагаѣ было въ долинѣ рѣки того же имени; долина эта ограничивалась высотами со всѣхъ сторонъ и выкатами, покрытыми лѣсомъ. Дорога изъ Анапы и Витязеваго до перевала чрезъ Султанскія высоты шла по чистымъ мѣстамъ, изрѣдка покрытомъ кустарникомъ, но со спуска дорога обрамлялась съ сѣвера кустами, а съ юга мелколѣсьемъ, которое подходило къ дорогѣ, пересѣкаемой небольшими оврагами, поросшими кустами; вблизи же укрѣпленія съ сѣвера были густыя кусты, а съ юга уже хорошія лѣса по сѣвернымъ склонамъ высотъ. Укрѣпленіе замыкало долину рѣки, скорѣе не долину, а котловину, въ концѣ которой на востокъ, горы на-

ходились уже вблизи. Подступы были удобные. Въ полдень 25-го числа въ Анапѣ было получено извѣстіе отъ лазутчиковъ, что партія не только въ сборѣ вблизи р. Псебепса, но что цѣль ея нападеніе на ст. Николаевскую. Пошла суета, при которой о Гастогаѣ всѣ позабыли окончательно. Въ Николаевской, въ 5 верстахъ отъ Анапы, кромѣ мѣстныхъ казаковъ, стояли три роты пѣхоты и дивизионъ подвижной крѣпостной артиллеріи; въ 2-хъ верстахъ отъ этой станицы, въ Алексѣевскомъ редутѣ, стояли двѣ роты пѣхоты и конная батарея черноморскаго казачьяго войска; въ Анапѣ—пять баталіоновъ пѣхоты, полуэскадронъ и масса артиллеріи, въ томъ числѣ двѣ роты подвижной крѣпостной. По полученіи такого извѣстія Алексѣевскій редутъ еще былъ усиленъ двумя ротами. Такимъ образомъ, большія силы изъ всѣхъ родовъ оружія были сосредоточены вблизи Анапы на пяти верстахъ. А укр. Гастогай было далеко въ глуши; вблизи его по р. р. Псебепсу и другимъ мелкимъ жило непріятельское населеніе и гарнизонъ его въ такомъ мѣстѣ, благодаря стратегическимъ упущеніямъ генераль-маіора Дебу и полковника Миронова, былъ до смѣшнаго малъ, хотя было кѣмъ усилить его въ это тревожное время, но объ этой необходимости никто не думалъ; вотъ составъ гарнизона укр. Гастогай къ 26 іюля 1853 года: воинскій начальникъ¹⁾ поручикъ Вояковскій; 1-я рота черноморскаго линейнаго № 1-го баталіона, подъ командою капитана Анкудинова, со субалтернъ офицерами: поручикомъ Буlichemъ, подпоручикомъ Кульбицкимъ и прапорщиками: Цепринскимъ и Цекава, въ составѣ. унтеръ-офицеровъ 22, музыкантовъ 2 и рядовыхъ 225, изъ нихъ 12 человекъ больныхъ. На батареяхъ было: завѣдывающій прапорщикъ Соколовъ, 4 фейерверкера и 24 канонира. Въ укрѣпленіи были лазаретъ, которымъ завѣдывалъ штабъ-лекаръ, коллежскій ассесоръ Яновицкій, провіантскій магазинъ, смотрителемъ котораго былъ подпоручикъ Муравлевъ, и небольшая церковь, гдѣ священнодѣйствовалъ іеромонахъ отецъ Наумъ, глубокоуважаемый всѣмъ гарнизономъ. Къ укрѣпленію примыкалъ небольшой форштадтъ, одна сторона

¹⁾ Въ мелкихъ береговыхъ укрѣпленіяхъ воинскіе начальники были на правахъ командантовъ, имъ подчинялись чины гарнизона, даже старшіе въ чинахъ.

котораго была ограждена только частоколомъ; сообщеніе между ними было свободнымъ.

Въ Гастогаѣ такъ же, какъ и въ Анапѣ, были допущены вблизи укрѣпленія, подъ выстрѣлами батарей, „сатовки“, благодаря которымъ гарнизонъ имѣлъ сносную пищу и молочные продукты. Военскій начальникъ Вояковскій, человекъ развитой, отданный въ солдаты съ третьяго курса медицинскаго факультета; интересуясь бытомъ горцевъ, заводилъ съ ними чрезъ переводчика разговоры во время сатовокъ, даже пріобрѣлъ между ними кунаковъ, которыхъ нерѣдко угощалъ водкою и закускою. Ласковое обращеніе воинскаго начальника расположило къ нему горцевъ, а кунаки не рѣдко предостерегали Вояковскаго о замыслахъ своей молодежи противъ гарнизона и его скуднаго стада коровъ.

Позднимъ вечеромъ 25 числа къ укрѣпленію подъѣхало двое горцевъ, лица которыхъ были прикрыты башлыками; подъѣхавшіе просили вызвать воинскаго начальника. Караульный унтеръ-офицеръ послалъ къ Вояковскому доложить о пріѣзжихъ. Хотя лица пріѣзжихъ были хорошо прикрыты, но Вояковскій по голосамъ узналъ, что пріѣзжіе его кунаки. Ворота отворили, пріѣзжіе тихо сообщили, что они съ Псебепса, гдѣ въ сборѣ громадная партія, которая, вѣроятно, уже близко: она хочетъ взять Гастогай и можетъ этою же ночью напасть, почему нужно быть очень осторожными. Всадники тотчасъ уѣхали.

Гарнизонъ тихо былъ поставленъ въ ружье и распределенъ по фасамъ; съ форштатда велѣно было выходить въ укрѣпленіе, чтобы не мѣшать защитѣ его; ружья отъ больныхъ были розданы провіантской командѣ и нѣкоторымъ лазаретнымъ служителямъ. Все населеніе стало на ноги, — подпоручикъ Муравлевъ, съ своею охотничьею двустволкою, сталъ въ ряды защитниковъ; отецъ Наумъ съ крестомъ обходилъ фасы, благоговая защитниковъ ихъ и подкрѣпляя ихъ напоминаніемъ о святости присяги, и о томъ, что русскіе никогда не сдавались при осадахъ. Живая, теплая рѣчь отца Наума производила хорошее впечатлѣніе на солдатъ, а полное хладнокровіе и веселость начальниковъ привились и къ солдатамъ; всѣ стали ждать съ нетерпѣніемъ появленія непріятели. Лекаръ Яновцкій, имѣя только одного фельдшера, приготовлялъ все для

перевязокъ; пришедшая вмѣстѣ съ семьями солдатъ Г-жа Буличъ изъявила желаніе оказать посильную помощь при будущихъ перевязкахъ, имѣя о нихъ кое какія понятія. Яновскій обрадовался неожиданной помощи, поспѣшилъ снабдить Г. Буличъ медикаментами и перевязочнымъ матеріаломъ и предложилъ ей, придавъ въ помощь еще и фельдшера, занять мѣсто у лазарета, а самъ остался среди защитниковъ, чтобы подавать на мѣстѣ помощь тяжело раненнымъ; при немъ остались и два лазаретныхъ служителя.

Когда капитанъ Анкудиновъ раздавалъ ружья отъ больныхъ, къ нему съ просьбою о выдачѣ ружья обратился его деньщикъ Никита Бабуренко, „не ладно скроенный, но крѣпко сшитый“, отличавшійся большою силою и замѣчательною флегматичностью. Бабуренко служилъ, благодаря своей неуклюжести, предметомъ насмѣшекъ всей роты. Когда ему не дали „ружю“ онъ, пользуясь отсутствіемъ капитана, снялъ съ его брички окованную желѣзомъ оглоблю и пошелъ къ батарее съ этимъ оригинальнымъ оружіемъ; всѣ, видя этого воина, покатывались со смѣху. Не обращая вниманія на насмѣшки товарищей, Никита усѣлся у батареи и сталъ тоже ждать „невиру—азіята“; ждалъ, ждалъ, да и заснулъ.

Для подноса патроновъ и зарядовъ Вояковскій обратился съ просьбою къ семьямъ солдатъ, -- бабы и дѣтишки-подростки изъявили полное желаніе и къ батареямъ начался подносъ этими лицами боевыхъ припасовъ; чѣмъ ближе былъ разсвѣтъ, тѣмъ зорче и бдительнѣе былъ гарнизонъ. Но вотъ съ сѣвернаго фаса въ предразсвѣтной мглѣ замѣтили, что растущіе шагахъ въ 200 кусты, какъ будто движутся; присмотрѣлись, и догадались, что это горцы подкрадываются кучками. Грянуло туда орудіе, заряженное картечью. Всѣ перекристились; отецъ Наумъ, стоя на батарее, осѣнялъ крестомъ защитниковъ.

Бурною волною бросились горцы на сѣверный фасъ, визжа и гикая и, какъ расходящаяся волна, ударясь о гранитную набережную, вздымаясь, стливаетъ назадъ, обдавая набережную только верхушками зыби, такъ было и въ Гастагаѣ; — встрѣченные залпомъ картечью и ружейнымъ огнемъ съ обѣихъ по фаса батарей, горцы массою подались назадъ; только часть передовыхъ, подсаживая другъ друга, ворвалась на батарею:

тутъ произошла рукопашная (вскочило человекъ 30 на батарею). Выстрѣлъ изъ орудій разбудилъ Бабуренку, онъ вскочилъ и съ оглоблею на плечѣ кинулся вправо къ брустверу; въ этотъ моментъ горцы показались на немъ; прямо противъ Никиты вскочилъ горецъ высокаго роста съ обнаженною шашкою и хотѣлъ спрыгнуть, но Никита преобразился, кинулся впередъ; оглобля въ его рукахъ, описавъ въ воздухѣ полукругъ, ударила о горца, онъ свалился къ ногамъ Никиты, который поспѣшилъ еще ткнуть его своимъ оружіемъ въ грудь, — кости горца захрустѣли, но крика не было; таковъ былъ первый ударъ Гастагаевскаго Никиты. Расправившись съ первымъ, Бабуренко, бросилъ оглоблю, схватилъ ружье упавшаго около него тяжело раненнаго солдата и кинулся къ орудію, гдѣ была свалка; и тамъ ему еще удалось всадить штыкъ по самую „душку“ въ грудь перваго встрѣчнаго горца. Вскочившіе на батарею горцы частью были перебиты, а частью напоромъ защитникомъ отброшены въ ровъ. Орудія укрѣпленія безостановочно били ихъ; едва успѣвали „пробанивать“. Стало на батареяхъ недоставать воды; вездѣсущій Вояковскій, перебѣгавшій съ резервомъ въ 30 человекъ съ мѣста на мѣсто, гдѣ горцы болѣе энергично нападали, снова обратился къ солдатскимъ женамъ, чтобы подносили воды на батареи; тѣ быстро принялись за дѣло, не смотря на сильный свистъ пуль горцевъ. Едва былъ отбитъ первый штурмъ, какъ повторился второй. — снова на сѣверный и на другой, восточный, фасы. И этотъ штурмъ былъ отбитъ. Горцы, кидаясь на штурмъ, открывали сильный ружейный огонь, осыпая брустверъ и батареи пулями. Въ оба штурма у защитниковъ была уже, сравнительно съ численностью ихъ, большая потеря; выбыло изъ строя уже болѣе 30 человекъ; убитыхъ было только двое, легко раненные сами отходили къ лазарету, а упавшихъ отъ ранъ, послѣ перевязки, солдатки относили въ лазаретъ, а убитыхъ къ церковной паперти. Во время втораго штурма пули отъ залпа горцевъ, перелетѣвшія чрезъ брустверъ, попали въ черепичную крышу лазарета, — куски побитой черепицы осыпали помощницъ г-жи Буличъ, онѣ струсили и разбѣжались въ стороны, бросая раненныхъ, но и тутъ г-жа Буличъ нашлась: она громко стала смѣяться надъ перетрусившими и тѣ скоро пришли въ себя и тоже стали смѣяться

надъ своею трусостью; благое дѣло снова закипѣло у г-жи Буличъ.

Стало разсвѣтать; уже прошло болѣе часа со времени появленія горцевъ; замѣтно было, что они поняли свою ошибку; бросаясь на штурмъ массою на одну точку, подставляя себя, какъ мишень, подъ ружейные и картечные выстрѣлы, они понесли чрезъ это громадную потерю. Непрiятель сталъ занимать возмжно удобныя для себя позиціи вокругъ всего укрѣпленія. Вояковскій приказалъ усиливать огонь на батареяхъ; онъ хорошо зналъ, что горцы не выдерживаютъ этого огня, да и самый усиленный огонь долженъ былъ показывать, какъ Анапѣ такъ и Витязеву, что около укрѣпленія идетъ сильный бой, что ему крайне необходима помощь.

Разсыпавшись вокругъ укрѣпленія, горцы завели перестрѣлку издали и болѣе толковые изъ нихъ, когда развиднѣлось, открыли слабую сторону укрѣпленія — палисадъ. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, подбѣжавъ къ складу мѣстности впереди себя, залегла и открыла сильную стрѣльбу противъ этого мѣста, а человѣкъ 30 изъ нея бросились къ палисаду, нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ рукахъ пучки травы и хворосту. Къ несчастью для защитниковъ, въ этомъ мѣстѣ укрѣпленія оказалась очень плохую фланговая оборона. Хотя часть горцевъ, кинувшаяся къ палисаду, и была перебита, но большая часть добѣжала, залегла подъ стѣну и чрезъ это попала въ мертвое пространство отъ пушечнаго и ружейнаго огня; чтобы отбить этихъ смѣльчаковъ отъ палисада, нужно было высовываться съ ближняго бруствера, или за палисадъ. Унтеръ-офицеръ и нѣсколько рядовыхъ попробывали высунуться, но тотчасъ-же были переранены выстрѣлами изъ партіи, подерживающей своимъ частымъ огнемъ бывшихъ у палисада. У Вояковскаго въ резервъ при немъ осталось, послѣ пополненія потери отъ двухъ штурмовъ, 12 человѣкъ; онъ съ ними бросился къ палисаду; къ нему присталъ съ своею двустволкою подпоручикъ Муравлевъ. Отецъ Наумъ, утѣшавшій раненныхъ у лазарета, увидя бѣгущаго съ резервомъ Вояковскаго, подбѣжалъ къ нему и, узнавъ въ чемъ дѣло, подался впередъ и, поднявъ надъ головою крестъ, обратился къ резерву: „Христолюбивые воины! не дадимъ разорить нашу святыню — церковь, защитимъ грудью женъ и дѣтей, Гос-

подъ не оставить насъ!". Всѣ бѣгомъ подбѣжали къ палисаду; подпоручикъ Муравлевъ, видя въ чемъ бѣда, приказалъ посадить себя на среднюю скрѣпу палисада, перегнулся за него и, на разстояніи шаговъ 40, выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ картечью по сидѣвшимъ подъ палисадомъ, частью подкапывавшимъ его, а частью поджигавшимъ; 30 картечекъ перепятнали многихъ; боясь такого повторенія, горцы отскочили отъ палисада и попали подъ фланговый огонь съ бруствера и осыпанные пулями, отбѣжали къ партіи. Страшная опасность миновала.

Не нанося съ дальняго разстоянія потерь гарнизону и подвергаясь сами усиленному пушечному огню, наносившему гранатами потерю, и, вѣроятно, опасаясь скорого прибытія подкрѣпленія изъ Анапы и Витязеваго, горцы занялись отвозомъ своихъ раненныхъ и убитыхъ; перестрѣлка съ ихъ стороны стала стихать и скоро изъ укрѣпленія замѣтили, что непріятель отступаетъ къ сѣверо-востоку на высоты. Укрѣпленіе съ востока было закрыто высокими горами; показавшееся изъ за нихъ солнце освѣтило въ Гастагаевскомъ чудную картину: стоявшаго на площади предъ церковью у анолоя въ облаченіи отца Наума, съ пѣвчими изъ солдатъ и дѣтей подростковъ, служившаго благодарственный молебенъ; и гимнъ „Тебѣ Бога, хвалимъ“ замѣнилъ пальбу, стрѣльбу и крики; видны были: колѣнопреклоненный гарнизонъ въ боевой амуниціи, лекарь Яновицкій, подававшій помощь тяжело раненному, г-жа Буличъ съ ея помощницами, 8 убитыхъ солдатъ на церковной паперти и, какъ трофеи, трупы горцевъ, лежавшихъ во рвахъ и вблизи укрѣпленія.

Въ 6 часовъ завиднѣлись вдали на дорогѣ казаки изъ Витязеваго; причина запозданія ихъ такова: горцы предъ нападениемъ на Гастагаевское выслали версть за пять отъ него заслонъ на дорогу, туда, гдѣ она окаймлялась съ одной стороны лѣсомъ, съ другой-кустами по ложбинѣ; въ заслонѣ было до тысячи человекъ. Изъ Витязеваго по первымъ же выстрѣламъ у Гастагаевского выѣхало туда три сотни; ѣхавшій въ авангардѣ взводъ у р. Гастагая былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами горскаго заслона; подѣхавшія сотни хотѣли пробиться, но изъ заслона были встрѣчены такою пальбою, что

нечего было и думать пробиваться черезъ такую массу непріятеля, не рискуя потерять много раненныхъ. Казаки отступили на позицію у Султанской высоты, чтобы ожидать подкрѣпленія изъ Анапы. Когда стало свѣтло, казаки замѣтили уходъ заслона; снялись съ позиціи и стали подвигаться за заслономъ, скоро свернувшимъ на высоты къ сѣверу отъ дороги, тогда сотни уже прямо пошли на Гастагаевское.

Измученный гарнизонъ былъ замѣненъ казаками на всѣхъ постахъ укрѣпленія, гдѣ еще не были увѣрены, что горцы не повторятъ нападенія.

Къ пяти часамъ вечера подошло подкрѣпленіе изъ Анапы и... только изъ двухъ ротъ! Миронову такъ крѣпко засѣло въ голову, что цѣлью нападенія непріятеля служитъ ст. Николаевская, что, когда слышался гулъ орудій изъ Гастагаевскаго, никакіе доводы не могли убѣдить его, что горцы всею массою атаковали это укрѣпленіе, что нужно скорѣе выслать помощь туда; Мироновъ счелъ это нападеніе только за отвлеченіе силъ изъ Анапы въ противоположную сторону.

Изъ полученныхъ прежде изъ разныхъ источниковъ свѣдѣній въ Анапѣ знали, что сборъ у горцевъ большой, болѣе 6000 человекъ; на основаніи этихъ свѣдѣній, въ помощь атакованному пункту слѣдовало послать, если была возможность, сильную колонну изъ всѣхъ родовъ оружія и кавалеріи хотя бы на столько, чтобы освѣщать мѣстность по пути колонны; изъ Анапы была полная возможность послать такую колонну, чтобы она, по своей численности, могла дѣйствительно дойти, не будучи задержана на пути непріателемъ, или даже истребленною имъ; это правило и старое кавказское: „быстро идти на выстрѣлы“, были не для Миронова; когда гулъ отъ пушечной пальбы въ Гастагаѣ на разсвѣтѣ сливался, когда въ Анапѣ нельзя уже было слышать отдѣльныхъ выстрѣловъ, Мироновъ назначилъ туда помощь только изъ двухъ ротъ, даже безъ кавалеріи. Ему и въ голову не приходило, что эта горсть, въ сравненіи съ силами непріятеля, могла быть истреблена у Гастагая на глазахъ гарнизона и оказать на него подавляющее впечатлѣніе; мало того, если во время движенія этихъ ротъ Гастагаѣ будетъ взятъ, то роты навѣрное будутъ истреблены, вооруженныя только плохими кремневыми ружья-

ми, во всемъ уступавшими винтовкамъ горцевъ. Но и эта поддержка была послана только тогда, когда развиднѣлось, т. е. спустя около 2 часовъ послѣ начала тревоги въ Гастагаѣ, а ротамъ надобно было пройти болѣе 25 верстъ въ іюльскую высоту, а оттуда, у заросшей мѣстности, должны были идти со всѣми предосторожностями противъ внезапнаго нападенія изъ лѣсковъ, балокъ и т. п. закрытій.

Потеря гарнизона состояла изъ 47 человекъ.

27 числа, когда убѣдились, что въ окрестностяхъ непріятеля нѣтъ, было приступлено къ очищенію рвовъ укрѣпленія, тамъ найдено 78 труповъ горцевъ, а вокругъ его по кустамъ и балочкамъ болѣе 200; пришедшія роты занялись копаніемъ большихъ ямъ для погребенія этихъ труповъ.

Государь Императоръ Николай I-й щедро наградилъ за военныя доблести гарнизонъ Гастагаевского: Вояковскій получилъ орденъ Св. Георгія 4 ст. и слѣдующій чинъ; всѣ офицеры награды—не въ очередь, въ томъ числѣ Муравлевъ и Яновицкій, оба по ордену Владиміра 4 ст., іеромонахъ Наумъ золотой наперстный крестъ на Георгіевской лентѣ, г-жѣ Буличъ была пожалована пожизненная пенсія въ размѣрѣ жалованья ея мужа, по 457 руб. въ годъ, и изъ Кабинета Его Величества цѣнный браслетъ, помощницы ея получили денежныя награды.

V.

Происшествія на Лабинской линіи и Черноморской береговой за то же время. Положеніе Черноморской кордонной линіи и Праваго фланга передъ объявленіемъ Восточной войны.

Для возможной полноты нашего очерка, считаемъ необходимымъ описать болѣе выдающіяся событія въ прочихъ укрѣпленіяхъ Черноморской береговой линіи и на р. Лабѣ; описаніе ихъ за 1853 годъ даетъ понятіе, что дѣлалось тамъ ранѣе этого года и послѣ него до снятія укрѣпленій въ 1854 г. и до покоренія западнаго Кавказа въ 1864 году.

7-го февраля изъ укр. Новотроицкаго утромъ вышла рота прикрывать рабочихъ, посланныхъ для рубки дровъ гарнизону. Съ рабочими было нѣсколько повозокъ. Партія Убыховъ подкралась и бросилась частью къ прикрытію, а частью, чтобы отбить лошадей изъ обоза. Рота отбила нападеніе, но запасъ дровъ бросила; въ перестрѣлкѣ рота потеряла 1 убитымъ и 4 раненныхъ.

17-го февраля съ батареи Кабардинскаго укрѣпленія замѣтили партію, подкрадывавшуюся къ порціонному скоту вблизи берега моря.

Выстрѣлъ гранатою по партіи заставилъ ее отказаться отъ этого намѣренія; партія, отбѣгая по берегу, увидѣла отдѣлившихся отъ стада трехъ быковъ; отрѣзавъ ихъ, погнала по берегу; большая часть горцевъ послѣ открытія партіи уже скрылась, а по берегу осталось человѣкъ 20; они то и захватили трехъ быковъ. Кавалеріи въ укрѣпленіи не было; въ погоню побѣжала рота и былъ спущенъ баркасъ Азовской гребной флотиліи;—берегъ моря, гдѣ горцы гнали быковъ, былъ обрывистъ, была только прибрежная тропа по камнямъ и песку; нужно было пробраться версты двѣ, чтобы возможно было свернуть въ ложбину и по ней взобраться на подъемъ; вотъ почему, кромѣ роты, бѣгущей за горцами, и былъ посланъ баркасъ, который могъ подъ парусомъ опередить горцевъ. Азовскіе казаки, подъ командою офицера, въ числѣ 12 человѣкъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поставивъ парусъ, скоро догнали пробиравшихся по берегу хищниковъ; на этихъ баркасахъ были фальконеты; казаки, поровнявшись съ горцами, открыли изъ своей пушки по нимъ огонь. Попавши между казаками съ моря и бѣгущею слѣдомъ пѣхотою, горцы, полѣзли на обрывы, оставя быковъ.

Начальникъ II-го Отдѣленія береговой линіи генераль-маіоръ Вагнеръ, зная, что по линіи въ концѣ іюня приступятъ къ покосамъ и что въ горахъ—сборъ горцевъ, въ особенности недалеко отъ Головинскаго форта, попросилъ генераль-маіора Кухаренко произвести движеніе за Кубань, чтобы отвлечь Шапсуговъ отъ присоединенія къ родичамъ на южномъ склонѣ горъ. 23 іюля Вагнеръ, посадивъ на военную

шхуну роту пѣхоты изъ укрѣп. Вильяминовскаго, отплылъ въ фортъ Головинскій, а 24 числа¹⁾ съ пятью ротами пѣхоты и тремя легкими орудіями, пошелъ изъ форта къ мѣсту покоса со всѣми перевозочными средствами форта.

Къ тремъ часамъ дня поляна была выкошена, траву стали нагружать на повозки, ее нельзя было оставлять на ночь, горцы уничтожили бы.

Къ пяти часамъ повозки стали выѣзжать на дорогу по лѣвому берегу р. Шахэ, со стороны которой стоялъ пикетъ изъ 70 человекъ, подъ командою поручика Дове²⁾.

Убыхи подкрались по зарослямъ у Шахэ; когда колонна, выѣзжая, растянулась, бросились на пикетъ Дове, который встрѣтилъ атакующихъ сильнымъ огнемъ, а бывший вблизи Вагнеръ тотчасъ же двинулъ на поддержку роту. Въ то же время Убыхи бросились на арьергардъ, гдѣ были двѣ роты съ орудіемъ, и стали насѣдять. Вагнеръ усилилъ его ротою съ орудіемъ. Арьергардъ велъ маіоръ Винниковъ, пріобрѣвшій опытность въ Кавказской войнѣ, служа въ Чечнѣ въ Куринскомъ полку; онъ, видя подходящую роту съ орудіемъ, тотчасъ же воспользовался складками мѣстности и повелъ „перекатное отступленіе“, съ которымъ Убыхи еще не ознакомились; — Винниковъ остановилъ роту, положилъ ее по балочкѣ на пути отступленія. Самъ же сталъ шибче отступать. Убыхи стали преслѣдовать; поравнявшись съ положенною ротою, арьергардъ побѣжалъ, Убыхи за нимъ и набѣжали на роту въ балкѣ, а она была готова къ встрѣчѣ, люди приподнялись и съ колѣна, на растояніи шаговъ 70, дали залпъ. Убыхи озадаченные имъ, сначала отхлынули назадъ, но скоро оправившись и бросились за ротою, отбѣгавшею послѣ залпа; желая ее догнать, Убыхи увлеклись, а Винниковъ уже успѣлъ заложить другую роту на пути отбѣгавшей; и тутъ Убыхи попали подъ новый залпъ, да еще и подъ огонь двухъ орудій. Такая встрѣча отбила охоту нападать и Убыхи стали ограничиваться

¹⁾ Въ этотъ день Черноморскіе казаки сдѣлали вторженіе за Кубань на аулъ Сохокъ у р. Пшеца.

²⁾ Бывшій впоследствии командиромъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго въ Майколѣ; нынѣ Ген.-Маіоръ въ отставкѣ.

стрѣльбою уже издали, но оба орудія стали стрѣлять чаще и чаще, огонь ихъ и совсѣмъ заставилъ ихъ остановиться. Потеря въ колоннѣ заключалась въ 4 убитыхъ и 16 раненыхъ, а у горцевъ, по полученнымъ Вагнеромъ свѣдѣніямъ, изъ 470 человѣкъ было 80 человѣкъ потери.

Князь Воронцовъ, въ приказѣ¹⁾ о дѣлѣ на рѣкѣ Шахѣ, объявилъ свою особенную признательность Вагнеру, Винникову и Довѣ.

14 октября у укрѣп. Святаго Духа партія горцевъ бросилась на лошадей и скотъ, пасшійся вблизи укрѣпленія; прикрытіе стада, поддержанное двумя ротами изъ гарнизона, отбило нападеніе 5 сотенной партіи, потерявъ двухъ убитыми и одного раненымъ.

22 октября изъ укрѣп. Гагры была отправлена колонна за дровами; партія изъ Убуховъ и Джигетовъ напала въ лѣсу на колонну, которая вынуждена была оставить заготовку дровъ, привезя только тѣ, которыя были нарублены до нападенія горцевъ; въ колоннѣ раненно было 8 нижнихъ чиновъ.

Безъ толку прогулявшаяся въ Карачай горская молодежь захотѣла „пошалить“ на р. Лабѣ; — 31 іюля партія въ 300 человѣкъ притаилась въ заросляхъ у Лабы, вблизи ст. Некрасовской, съ цѣлью напасть на станичное стадо и, по захватѣ его, угнать за Лабу, гдѣ по лѣсу, не опасаясь преслѣдованія, можно было пробраться во свояси. На бѣду горцевъ, въ это время въ Некрасовской былъ сравнительно сильный гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ ротъ 1-го пѣшаго баталіона Черноморскаго казачьяго войска и трехъ сотенъ 2-го Лабинскаго казачьяго полка, при двухъ конныхъ орудіяхъ Черноморскаго войска изъ батареи ихъ, временно расположенной въ ст. Чамлыкской. Генераль Евдокимовъ, опасаясь, чтобы Абадзехи, бывшіе въ сборѣ, за неудачу въ Карачаѣ не вздумали бы громить Лабинскую линію, усилилъ гарнизоны по ней.

Съ разсвѣтомъ пастухи погнали изъ станицы стадо къ водопою на рѣкѣ, гдѣ между кустами были полянки съ травою, а разъѣздъ изъ станицы для осмотра мѣстности поѣхалъ ранѣе вверхъ по рѣкѣ.

¹⁾ Приказъ по Кавказскому корпусу отъ 20 іюля 1853 г. за № 144.

л

Когда стадо приблизилось къ рѣкѣ, партія, бывшая ниже, бросилась къ стаду, отбила его отъ дороги на станицу и погнала къ переправѣ; разъѣздъ увидѣлъ нападеніе, повернулъ назадъ и открылъ перестрѣлку; горцы, спѣша къ переправѣ, не смотря на многочисленность свою, не атаковывали болѣе и болѣе приближавшихся къ стаду Лабинцевъ. Командующій гарнизономъ въ станицѣ командиръ 2-го Лабинскаго полка подполковникъ Котляровъ тотчасъ же по тревогѣ двинулся со всѣми войсками въ погоню. Прикрывъ артиллерію полусотнею, онъ съ прочими казаками пустился въ погоню; на третьей верстѣ казаки стали догонять партію, которая, отдѣливъ человѣкъ до 50-ти гнать стадо, обернулась противъ Котлярова и открыла съ коней стрѣльбу, но Котляровъ командывалъ въ шашки, казаки дружно понеслись и врѣзались въ партію, но не сразу смяли ее,—горцы тоже взялись за шашки; произошла пятиминутная рубка, но часть Лабинцевъ заскочила во флангъ главной толпѣ горцевъ и тоже бросилась въ шашки; не выдержали хищники налетовъ казаковъ и пошли въ разсыпную къ Лабѣ.

Конный взводъ артиллеріи, зная, что за нимъ еще двѣ роты казаковъ, несся тоже на рысяхъ и подѣхалъ, когда Абадзехи, не выдержавши атаки Котлярова, пошли кучками къ Лабѣ; занявъ позицію, взводъ открылъ огонь по кустамъ, куда болѣе всего стрѣмились горцы, стараясь укрываться и поскорѣе спастись за Лабу. Казаки перехватили скотъ; полсотни было отряжено гнать стадо назадъ, а съ остальными и артиллерією Котляровъ продолжалъ преслѣдованіе до лѣса на лѣвомъ берегу рѣки. Горцы на мѣстѣ первой рубки съ казаками оставили 12 тѣлъ, а общая ихъ потеря была болѣе 40 человѣкъ; казаки тоже понесли не малую потерю; у нихъ было 5 убитыхъ и 19 раненыхъ.

9-го августа за р. Бѣлою была въ сборѣ партія болѣе 400 человѣкъ, рѣшившаяся отбить стадо у жителей ст. Лабинской. Партія ночью прошла къ Лабѣ, переправилась и скрылась въ балкѣ, вблизи дороги въ ст. Владимірскую.

По всей вѣроятности горцы хорошо знали, куда громадное стадо станицы выгоняется на пастьбу. Вышедшее стадо прямо пошло на нихъ, горцы подпустили его въ упоръ, убили

бывшихъ впереди двухъ пастуховъ и, съвѣвъ на лошадей, погна-ли стадо къ перекату на Лабѣ, верстахъ въ пяти выше Лабинской.

Въ этой станицѣ была штабъ-квартира начальника Лабинской линіи и 1-го Лабинскаго казачьяго полка, а потому въ ней всегда стояло не менѣе трехъ сотенъ казаковъ и дивизіонъ артиллеріи, а въ это лѣто, по случаю сбора партій горцевъ, въ станицѣ гарнизонъ былъ усиленъ двумя ротами Кубанскаго егерскаго полка и двумя сотнями казаковъ.

Не смотря на то, что, по заведенному порядку, дежурная сотня сдѣлала разъѣздъ въ окрестностяхъ станицы, притаившіеся въ балкѣ горцы не были открыты; надобно полагать, что разъѣзды болѣе всего обращали вниманіе на заросли у Лабы, а не на открытыя мѣста въ стороны къ Чамлыкской, Владимірской и Зассовской.

На тревогу начальникъ линіи, полковникъ Войцицкій, подъ своею командою, двинулся съ всѣми пятью сотнями, ротою пѣхоты и дивизіономъ пѣшей артиллеріи; прикрывъ послѣднюю роту, Войцицкій съ казаками поскакалъ по слѣдамъ горцевъ, которые, замѣтя погоню, стали поворачивать стадо къ Лабѣ, куда повернула и погоня, которая замѣтила, что горцы раздѣлились, часть подгоняла стадо къ рѣкѣ, а часть группировалась у берега.

Дабы не дать возможности горцамъ свободно перегонять скоть чрезъ Лабу, Войцицкій, еще не доѣзжая главныхъ силъ горцевъ, направилъ чрезъ рѣку на перерѣзъ стаду двѣ сотни подъ командою Есаула Кульгавова. Артиллеристы, какъ водилось во время Кавказской войны, всегда были убѣждены, что ихъ свои нигдѣ не выдадутъ, всегда во время выручатъ и твердо знали, что поддержка ихъ огнемъ хороша только во время, когда врагъ близко, а потому никогда не жалѣли при тревогахъ лошадей, даже гоня ихъ во всю мочь за кавалерію, о казачья артиллерія отличалась быстротою и ловкостью; такъ случилось и 9 августа; дивизіонъ, посадивъ прислугу на орудія и ящики, спѣшилъ за кавалерію и прибылъ во время: снявшись съ передковъ, открылъ анфиладный огонь по видѣвшимся у Лабы горцамъ; пушечный огонь окончательно ли-

шилъ горцевъ бодрости, — масса ихъ столкнулась съ казаками, но не выдержала ихъ натиска, кинулась въ Лабу; ложе рѣки каменисто, теченіе быстрое, вслѣдствіе чего, какъ ни спѣшили Абадзехи, но казаки догнали ихъ и убивали,

Громадное стадо широко раскинулось при переправѣ и крайне затрудняло переправу, а это дало возможность Есаулу Кульгавову раньше горцевъ переправиться черезъ рѣку; — сотни его, переѣхавъ рѣку, помчались вверхъ по ней перехватить у лѣваго берега стадо, что имъ и удалось; прикрывавшая стадо часть партіи, видя впереди себя за Лабою сотни, бросила стадо и спѣшила опередить казаковъ, чтобы поскорѣе скрыться вверхъ по рѣкѣ, гдѣ по зарослямъ ихъ трудно было преслѣдовать; передніе спаслись, но подгонявшіе стадо попали подъ выстрѣлы казаковъ и большею частью были перебиты у переправы; оставивъ полусотню сгонять и прикрывать скотъ, Кульгавовъ съ 1¹/₂ сотнями подался впередъ и ему, какъ тогда говорилось, „удалось пощипать“ и главныя силы непріятеля, спасавшіеся отъ натиска Вайцицкаго. Пораженіе партіи было полное, болѣе 100 труповъ горцевъ найдено было у Лабы и въ самой рѣкѣ. Потеря Лабинцевъ заключалась въ одномъ убитомъ и 11 раненыхъ; въ томъ числѣ былъ и самъ Кульгавовъ, раненый пулею.

Неудачи горцевъ у аула Вочепши, при движеніи въ Карачай и громадныя потери у Головинскаго и у Гастагаевскаго, пораженія у Лабинской, вѣроятно, были причиною, что они къ осени притихли, рѣдко появлялись у нашихъ линій. Съ объявленіемъ Турціи войны стали получаться вновь тревожныя извѣстія изъ горъ о намѣреніяхъ непріятеля нападать на линіи. Снова пришлось войскамъ напрягать силы для отпора непріятеля, но достигшая въ горы вѣсть о параженіи Турецкаго флота при Синопѣ сильно охладила пылъ горцевъ; они вполне сознали, что всѣ обѣщанія эмиссаровъ изъ Турціи теперь не исполнимы и порѣшили выждать болѣе благопріятнаго времени; Генералы Евдокимовъ и Кухаренко стали получать успокоительныя извѣстія и казаки получили возможность частями побывать дома, поглядѣть, что дѣлается въ ихъ семьяхъ, которыхъ они не видѣли съ апрѣля мѣсяца, а мно-

гіе и ранѣе-съ февраля. Но командующему войсками на Кавказской линіи и Черноморіи сдѣлались извѣстными вмѣшательство Франціи и Англіи въ нашу распрю съ Турціею; онъ счелъ необходимымъ объѣхать Черноморскую и Кубанскую линіи и на мѣстѣ ознакомиться съ мѣрами, предпринятыми Генералами Евдокимовымъ и Кухаренко¹⁾). Довольный всѣмъ, онъ возвратился въ г. Ставрополь.

Н. Дьячковъ-Тарасовъ.

25 марта 1903 г.

г. Анапа.

---

¹⁾ Тяжелая горькая участь постигла осенью 1861 года этого храбраго и дѣльнаго Черноморца;—проѣздомъ въ Ставрополь, онъ на Кубанской линіи былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ затемъ своимъ подполковникомъ Іогансономъ, шайкою Абалзаховъ. Старику Кухаренко пришлось на захваченной горцами почтовой лошади, скакать безъ сѣдла до р. Курджилса; подорванное по службѣ здоровье его не выдержало этого бѣдствія.—Кухаренко умеръ въ плѣну въ аулѣ Кай-хабль, который вскорѣ послѣ этого былъ, въ буквальномъ смыслѣ, стертъ съ лица земли Даховскимъ отрядомъ, подъ командою полковника Геймана впоследствии генераль-лейтенанта.